

Одесский листок сообщает

Автор:

Николай Свечин

Одесский листок сообщает

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #23

Помощник Лыкова титулярный советник Азвестопуло поехал к родителям в Одессу, и там случилось несчастье. Бандит-изувер Степан Балуца убил стариков в их собственном доме. Лыков срочно прибыл на помощь Сергею, чтобы вместе с ним найти и наказать негодяя. Одновременно Военное министерство попросило Столыпина послать туда же опытного разыскника. Немецкие шпионы раздобыли секретный план минирования Одесской бухты на случай войны. Лыков с Азвестопуло вынуждены вести два дознания одновременно. Дело идет туго: в фартовом городе нелегко найти фартового человека. Кроме того, в Одессе много немецких колонистов, и они чуть не поголовно работают на германскую разведку. Шпионы, налетчики, контрабандисты – все сплотились против сыщиков...

Николай Свечин

Одесский листок сообщает

© Свечин Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 1

Без помощника

В середине марта 1909 года к Лыкову пришел Азвестопуло и положил на стол какую-то бумагу.

- Что это? – спросил коллежский советник.

- Прощение на имя министра внутренних дел, – пояснил Сергей.

Алексей Николаевич взял лист и начал читать. Его помощник просил министра перевести его на службу в Одесское градоначальство по семейным обстоятельствам.

- Объясни, что случилось, – потребовал Лыков, снимая очки.

- Отца вчера хватил удар. Соседка прислала телеграмму. Он в сознании, но не двигается и не говорит. Надо переводиться, другого выхода нет. Матушка...

Сергей запнулся, потом продолжил:

- Сами понимаете: кому нужны два беспомощных старика?

Лыков понимал. Мать Азвестопуло уже десять лет как была парализована. Отец Сергея за ней ухаживал, поскольку на сиделку пенсии не хватало. Сын помогал, пока Лыков не забрал его в столицу. Каждую сэкономленную копейку он отсылал в Одессу и несколько раз в год навещал родителей. Вечно так тянуться не могло. Коллежский советник ожидал другого исхода, ожидал и страшился: Сергей очень любил матушку... Но жизнь распорядилась иначе. М-да...

- Съезди, проведай и возвращайся, денег на сиделку я дам.

- Ага! Двое лежачих – кто заменит им сына? Как я смогу остаться здесь?

– Я и говорю: съезди. Узнай, в каком состоянии отец. Может, Манол Георгиевич отойдет? Удары разные бывают. Не спеши с рапортом министру. Сядь.

Азвестопуло сел, на нем не было лица.

– Возьми отпуск по семейным обстоятельствам на две недели. Там будет видно. Мария с тобой поедет?

Титулярный советник замотал головой:

– Она плохо переносит беременность. Да и какой там от нее толк с брюхом?

Молодая жена Сергея была на шестом месяце.

– Правильно, скатайся сначала один. Займи у меня двести рублей и езжай, рапорт у Зотова я сейчас подпишу. И не кисни раньше времени, ты пока ничего не знаешь. У Благово тоже случился удар, и что? Год еще после этого прожил, и ходил, и разговаривал, только буквы забыл.

Лыков заставил помощника переписать рапорт и отправился к директору департамента. Им сейчас являлся действительный статский советник Зотов. Трусевич с 9 апреля подал в отставку и теперь ожидал назначения сенатором. Максимилиан Иванович взбрыкнул, поскольку почувствовал себя оскорбленным. Дело в том, что в МВД была воссоздана должность товарища министра – заведывающего полицией. И Трусевич почему-то решил, что это место открыли для него... Он уже позвал на банкет своих приятелей, обдумывал меблировку нового кабинета. Неожиданно товарищем министра был сделан Курлов. Генерал служил начальником Главного тюремного управления, а до того шесть месяцев исполнял обязанности вице-директора Департамента полиции. То есть был у Трусевича в подчинении. И вдруг выскочил в начальники! Такого самолюбивый пан стерпеть не мог и написал прошение об отставке.

Алексея Николаевича эти пертурбации не занимали. Конечно, с Трусевичем у него ладилось, хотя иной раз они сцеплялись. Но и Павел Григорьевич Курлов являлся умным человеком, пусть и интриганом с тяжелым характером. Однако положение коллежского советника в департаменте было твердым. Столыпин, давно отошедший от ежедневного управления МВД, часто дергал сыщика через голову непосредственного начальства. Зотов, аккуратный служака и опытный

бюрократ, относился к этому спокойно. Лишь бы его не трогали...

Нил Петрович выслушал Лыкова и тут же завизировал рапорт титулярного советника Азвестопуло. Полицейские заскочили в банк, сняли со счета Алексея Николаевича деньги, после чего разделились. Сергей поехал к себе собирать вещи, а его начальник отправился в билетные кассы. Он предъявил служебный проездной и выписал билет до Одессы на ближайший курьерский поезд. Махинация была противозаконной – Азвестопуло не полагался бесплатный проезд, – но сэкономила ему сорок рублей. И Лыков без зазрения совести использовал свое привилегированное положение чиновника особых поручений.

Он довел дело до конца: забрал Азвестопуло из дома, отвез на вокзал и лично посадил в вагон. На прощание сказал:

– Как только разберешься, телеграфируй.

Остаток дня Алексей Николаевич был хмур. Он привык к Сергею, ценил его, и потеря такого помощника поставила бы его в весьма затруднительное положение. Ольга Владимировна пыталась утешить мужа:

– Не спеши тужить. Я знаю много случаев, когда люди после инсульта выздоравливали.

– Здесь другое, – вздохнул сыщик. – Даже если отец Сергея оправится, все равно он будет уже не тот. И ухаживать за больной женой ему станет не по силам.

– Наймет сиделку.

– Ни ему, ни сыну это не по карману. А деньги у меня Сергей брать стесняется – не с чего отдавать. Когда же Мария разродится, тем более каждая копейка будет на счету... Нет, плохо дело.

Алексей Николаевич помолчал, колебался, говорить или нет. Потом продолжил:

– А еще в Одессе ему находиться опасно. Могут припомнить старое.

– Кто? Уголовные?

– Да. Вот времена настали, язвы их в душу!

– Не бранись, а поясни, – остановила мужа Ольга Владимировна. – Насколько это вероятно? Напасть на чиновника полиции – висельное преступление. Много ли найдется таких отчаянных?

– Раньше, ты права, это не могло присниться и в страшном сне. А после пятого года все переменялось. Нас убивали как собак, от Варшавы до Читы. И в той же Одессе немало пролилось крови. Когда я забрал оттуда Сергея, он был «демоном» – полицейским агентом, внедренным в банду. Три десятка налетчиков поехали на каторгу, двоих повесили, одного пристрелили при аресте. И это еще не самое плохое.

Лыков нахмурился, как сыч:

– Хуже всего дело, что мы дознавали в прошлом году. Тогда в Тираспольском уезде, в селе Слободзея, размозжили голову еврею-арендатору. И тем же способом убили всю его семью: жену и семерых детей. Еще тетку и случайно зашедшего к ним в дом учителя. Общим счетом порешили одиннадцать человек.

Супруга торопливо поставила стакан с горячим чаем и прижала руки к груди:

– Не может быть! И детей не пощадили?

– Самой маленькой тоже проломили голову, но она выжила. Остальные нет.

– Что же это за люди такие?! Как у них рука поднялась на крошек?

– А они и не люди. Скорее из числа зверей.

Сыщик встал и принялся ходить по гостиной.

– Всю свою жизнь я избавляю от них общество! А они не переводятся. Конечно, даже самый кровавый психопат скорее отберет жизнь у взрослого, а дитя стороной обойдет. Настоящих зверей единицы. Но ведь нет-нет да опять отыщется такой!

Он сильно приложился кулаком о столешницу, выпустил пар и немного успокоился.

– Много лет назад в Забайкалье я повесил одного такого нелюдя на сосне. Он мучил маленьких детей, пытаясь, где спрятана отцовская казна [1 - См. книгу «Между Амуром и Невой». (Здесь и далее примеч. автора.)]. Потом бог миловал, долго не попадались... В девятьсот пятом как будто плотину прорвало: столь лютые зверства, что хоть сам вешайся с отчаяния. Я тебе не рассказывал всего и никогда не расскажу, но поверь: пределов человеческой жестокости нет.

– Леша, ты прав, что бережешь меня. Но продолжи про Сергея Маноловича. Сам сказал: то страшное массовитое убийство было в Тираспольском уезде. Не в Одессе! Почему же твоему помощнику опасно возвращаться туда?

– Потому что заправились прячутся там. Мы поймали троих убийц, а двое ускользнули. В том числе главарь, который руководил этой волчьей стаей. Его зовут Степан Балуща. Из числа пойманных двоих скоро будут судить и наверняка повесят. А третий пытался сбежать из камеры следователя, и конвойные его пристрелили.

– Правильно сделали, – заявила обычно добрая Ольга Владимировна.

– Этот третий был брат Степки, Агафон Балуща. Тварь, каких свет не видел... Степка, если верить осведомителям, поклялся отомстить за брата. Наводил о нас с Азвестопуло справки, узнавал фамилии, где живем и все такое. Сам при этом спрятался так, что мы не сумели его найти. Вернулись в Петербург и забыли об этой мрази. Здесь его можно не опасаться. Но Балуща скрывается в Одессе, сведения точные. И сейчас Сергей просит перевести его на службу в местное градоначальство, если подтвердится, что его родителям нужен уход. Поняла теперь?

– Ты здесь, а он там один... – подытожила Оконишникова. – Один против зверей. Теперь я тебя поняла.

Супруги помолчали и заговорили о другом. В тот вечер они больше не возвращались к этому вопросу. Лыков копался в бумагах, которые взял со службы. После морока девятьсот пятого года общественная жизнь немного успокоилась. Самых отчаянных или повесили, или закупорили в тюрьмы. Но

взбудораженная чернь попробовала крови, и это имело серьезные последствия. Бандиты и политические экспроприаторы соединились в одну рать. Уголовники потеряли страх перед полицией. А полицейские, как следствие, начали дрейфить перед фартовыми. За копеечное жалованье идти на ножи желающих становилось все меньше. Обыватели презирали «фараонов», служба в полиции считалась чуть ли не бесчестьем. Внутри остывающего вулкана по-прежнему все бурлило. Время от времени наружу выбрасывало то одну погань, то другую.

Лыков по своей должности занимался особо сложными или кровавыми делами. Они с Азвестопуло только что отличились: предотвратили крупное ограбление. Настолько крупное, что, удайся экс, ему не было бы равных в истории. На пароходе «Цесаревич» общества «Кавказ и Меркурий» должны были отправить из Баку в Темир-Хан-Шуру миллион триста тысяч рублей на пополнение наличности тамошнего казначейства. Сведения о готовящемся нападении первым получил Лыков, через своего осведомителя в среде грузинских гайменников. Узнал в Петербурге то, что не смогли пронюхать в Баку! Шайку налетчиков возглавлял князь Мачавариани, бывший околоточный, а теперь базарный смотритель. Князь собрал два десятка головорезов, которые спрятались на «Цесаревиче» в день отплытия. Они должны были напасть на охрану казначейства, когда пароход выйдет в море. Готовилась бойня: конвой состоял всего из семи человек при офицере. Их бы перерезали, но полиция упредила бандитов. Сходню уже начали убирать, как вдруг на пирсе появился отряд городских под командой бакинского полицмейстера капитана Шервуда. Впереди всех шел коллежский советник Лыков с пистолетом в руке, следом – Азвестопуло. Они действовали так решительно, что никто не осмелился сопротивляться. Как потом выяснилось, среди двадцати боевиков были не только анархисты, абреки и налетчики, но и люди с положением в обществе. Алексей Николаевич получил очередное монаршее благоволение, а Сергей – сто рублей наградных. И вот теперь такую пару сыщиков судьба намеревалась развести по разным городам...

Но горевать коллежскому советнику было некогда. Днями его вызвали к Столыпину и приказали помочь военным в щекотливом деле. Причем срочно, бросив все другие дознания. Оказалось, что при тайном прочтении письма германского агента обнаружили загадочный листок. Карта не карта, план не план; какой-то рисунок, сделанный неумелой рукой. И на нем подписи: пост № 1, наблюдательный пункт, маяк... В центре рисунка непонятное обозначение: «сп. ст. „Г-л. 3“». «Г-л» более всего походило на указание чина: генерал-лейтенант. Но почему он под цифрой три? Почему закавычен? Кто этот человек? Что такое «сп. ст.»?

Алексей Николаевич просидел над бумагами до полуночи, но ничего убедительного не придумал. «Сп. ст.» – это, возможно, специальная станция. Или спиртоочистительная. Генерал номер три, или это не число, а буква «З»? Тогда его фамилия начинается на эту букву? Нужно посмотреть «Роспись всем генералам».

Утром в дурном настроении Лыков пошел на Дворцовую площадь в Генеральный штаб. Там его ждал хороший знакомый, пользовавшийся уважением сыщика, – подполковник Лавров. Владимир Николаевич возглавлял Разведочное отделение ГУГШ [2 - ГУГШ – Главное управление Генерального штаба, т. е. собственно Генштаб.], занимавшееся охотой на шпионов. В армию он перешел в 1903 году из Отдельного корпуса жандармов. Тогда военный министр выбил наконец-то из Министерства финансов деньги на создание противошпионской службы. Результат был аховый: людей разрешили взять мало, финансировали службу через пень-колоду. Едва-едва хватило на постановку дела в столице, о полноценной контрразведке мечтать не приходилось. Отделение было совершенно секретным, отсутствовало в штатах Военного министерства, и даже местоположение его являлось государственной тайной. Лавров, выходец из ОКЖ, обладал и знаниями о тайных операциях, и навыками строевого офицера. Он наладил слежку за военными агентами из стран – потенциальных противников в будущей войне. Под его надзор попали немцы, австрийцы, болгары, турки, шведы и румыны. Военные агенты, шпионы, так сказать, официальные, вывели контрразведчиков на свое окружение. В результате люди Лаврова добыли загадочную схему, перлюстрировав письмо бухгалтера «Конторы для выдачи справок о коммерческой кредитоспособности» фон Циммермана. Контора формально собирала справки о репутации заемщиков, на деле же была резидентурой германской разведки в Петербурге.

Алексей Николаевич столкнулся со службой Лаврова, когда дознавал таинственную смерть ученого Михаила Филиппова [3 - См. книгу «Лучи смерти»]. Тогда еще ротмистр, Владимир Николаевич показал себя с хорошей стороны и сразу добился результатов. К сожалению, его затерли в межведомственных дразгах. По-настоящему ловлей шпионов в России не занимался никто. Обязанности по контрразведке были возложены на ОКЖ и на Четвертое отделение Особого отдела Департамента полиции. Увидев в Лаврове конкурента, департаментские вместе с жандармами сразу решили избавиться от него. Темные личности вроде ротмистра Комиссарова и мошенника Манасевича-Мануйлова слепили контору, которая принялась следить за послами. Контора называлась Секретное отделение дипломатической агентуры Департамента

полицейской. Деятельность отделения была еще более законспирирована. Люди Манасевича вскрывали переписку дипломатов, а их прислугу вербовали в осведомители. Притом что она уже была до этого куплена Лавровым... В результате военная контрразведка осталась только на бумаге. МВД несколько лет пыталось сожрать ее окончательно, и лишь упрямство пары генералов (в том числе Таубе) спасло службу. В 1906 году слухи о проделках Манасевича попали в прессу, и дипломатическая агентура была ликвидирована. Однако Разведочное отделение так и не вернуло себе прежние полномочия в полном объеме. Оно контролировало лишь Петербургский военный округ, сил на большее не хватало. Трусевич вышел на Столыпина с инициативой активизировать эту деятельность. В декабре 1908 года была создана Межведомственная комиссия по контрразведке, в которую вошел и Лыков. Комиссия разработала предложения о создании особых контрразведывательных органов – военно-розыскных бюро. Они должны были войти в состав районных охранных отделений, то есть руководил бы ими Департамент полиции. Столыпина, а тем более Трусевича, это вполне устраивало, и они сломали Военное министерство. Реорганизации помешала внезапная отставка Максимилиана Ивановича. Новому начальству МВД и Департамента полиции дополнительная ответственность была не нужна. Сменился и военный министр. Занявший этот пост Сухомлинов тем более никому ничего дарить не собирался. И создание российской контрразведки спустили на тормозах.

В итоге отделение Лаврова осталось в составе военного ведомства и продолжило работу. И сейчас благодаря связям с «черным кабинетом» Лаврову удалось добыть что-то интересное. Он связывал с этим надежды на расширение полужакрытой службы. Владимир Николаевич очень рассчитывал на помощь Лыкова и теперь ждал от него чуда.

Сыщик это понимал, но с чудесами не ладилось. Вдвоем с Лавровым они перебрали разные варианты, и так и эдак пытались расшифровать загадочные буквы. Наконец Владимир Николаевич сообразил:

– Маяк! Надо спросить у флотских. Может, схема относится до их ведомства?

– Кроки порта или гавани? – подхватил Алексей Николаевич. – А почему нет? Но как мы убедимся?

– Поедем в Морской Генеральный штаб, – решительно заявил подполковник.

– Там есть кого спросить?

– Найдется. Моряки обдумывают создание собственной разведки. Уже нашли человека для руководства ею, капитан-лейтенанта Доливо-Добровольского. Он толковый офицер! Я ему сейчас телефонирую.

– Едем.

Толковый офицер оказался на месте и согласился с ними встретиться. Сыщик с контрразведчиком отправились в Адмиралтейство. Там загадка схемы разрешилась на удивление быстро.

Доливо-Добровольский, увидев незнакомого штатского, сначала насупился. Но, услышав фамилию, тут же поинтересовался:

– Павел Алексеевич Лыков-Нефедьев кем вам приходится?

– Прямой потомок, – хмыкнул сыщик.

– Рад познакомиться, Алексей Николаевич! Ваш сын – самый способный во всем Пятом делопроизводстве. Иметь с ним дело – одно удовольствие.

– А барон Таубе всегда его осаживает, говорит, что неуч.

– Вы и Виктора Рейнгольдовича знаете?

– Знаю. С тысяча восемьсот семьдесят девятого года.

Флотский снобизм сразу слетел с капитан-лейтенанта.

– В вашем распоряжении, господа! Что случилось?

Лавров выложил на стол схему с непонятными обозначениями:

– Вот, перехватили в переписке германских вспомогательных агентов. Никак не пойдем, что здесь изображено. Мы с Алексеем Николаевичем голову сломали. Не

поможете? Вам это что-нибудь напоминает?

- Вспомогательные агенты? Где вы их нашли?

- В «Конторе для выдачи справок о коммерческой кредитоспособности», - пояснил Лавров. - Это хитрая лавочка. Открылась четыре года назад, сидит в Кирпичном переулке. Учредителем там некий Шиммельпфенг, а директором - Гершунин. Наружно контора занимается проверкой платежеспособности фирм по заявкам германских заказчиков. Имеет филиалы в Москве и Киеве, представительство в Берлине. На самом деле ее люди собирают данные о лицах, занимающих высокое положение в военном ведомстве. Особенно их интересуют сведения неприглядные, компрометирующие. Мы установили надзор за частной перепиской служащих конторы. И вот бухгалтер-кассир господин фон Циммерман попался...

Моряк внимательно изучил схему и стал покрываться пятнами.

- Вот сволочи... Не может быть!

- Что не может быть? - насторожился коллежский советник.

- Это вы нашли в письме Циммермана?

- Да, третьего дня, - ответил Лавров. - Сняли копию, а схему запечатали обратно в пакет и отослали на почтамт.

Доливо-Добровольский вскочил, крайне взволнованный.

- Конечно, сначала я должен убедиться окончательно... Вдруг ошибаюсь? Но ежели все верно, следует тут же известить морского министра. И военного тоже.

- Да что это за схема наконец? - рассердился сыщик.

- Тут только моя догадка, - предупредил моряк. - Но буквы! «Сп. ст.» - скорее всего, спасательная станция. А дальше следует ее название: «Генерал-лейтенант Зеленый».

– В жизни бы не догадался, – сообщил Лыков. – Но ваша версия наверняка правильная. А где находится эта станция?

Вдруг он хлопнул себя по лбу:

– Зеленый много лет был градоначальником Одессы! Легендарная в городе личность. Станция там находится?

– Да, на Платоновском моле. Учреждена несколько лет назад решением Одесской думы в память о градоначальнике. А на оконечности мола – маяк...

– Но в чем же тут секрет? – недоуменно спросил подполковник. – Зачем германским шпионам данные о спасательной станции?

Доливо-Добровольский пояснил:

– Эта картинка, господа, – часть схемы минных заграждений Одесской гавани.

– Вы заминировали гавань? – ахнул Лавров.

– Пока нет. Это будет сделано лишь в случае объявления войны. Заранее нельзя: ветра там будь здоров, море беспокойное. Сорвет мины к чертям – сами же на них и подорвемся. Однако план заграждений составлен. И станция Зеленого – это нулевая координата, к которой привязаны границы минных полей. Все наши крупные гавани будут заминированы, но это большая военная тайна. И вот мы находим ее в письмеце германского шпиона...

– Но само расположение мин здесь не обозначено? – уточнил Алексей Николаевич.

– Да, это первый лист схемы. Остальные листы отражают море, и главный секрет там. Планируется защитить минами Одесский залив и Днепровско-Бугский лиман, это огромная акватория. Если к германцам попала вся схема, то работа минеров псу под хвост. Придется переделывать. Я обязан срочно доложить об этом адмиралу Эберггарду [4 - Эберггард А. А. – в 1908–1911 годах начальник Морского Генерального штаба.]. Что еще вам известно, Владимир Николаевич?

– Больше ничего, – признал подполковник. – Вот, вскрыли конверт, внутри бумажка... Ни комментариев, ни пояснений.

– Раньше подобное попадалось?

– Об этом надо спрашивать у Департамента полиции.

Доливо-Добровольский фыркнул:

– Так он здесь сидит, ваш департамент.

– Если бы... Алексей Николаевич – честнейший человек, мы с ним давно знакомы, пуд соли вместе съели. Но он занимается уголовным сыском. Шпионажем лишь постольку-поскольку. А главные ловцы шпионов сидят в Особом отделе. У них я ничего спросить не могу-с.

– Зато я могу, – энергично заявил коллежский советник. – Дело поручил мне сам Столыпин. Велено дознаться все про схему в тесном взаимодействии с военными. Обойдемся, стало быть, наличными силами.

Капитан-лейтенант с подполковником приободрились:

– Еще как обойдемся! Что нужно от нас?

Лыков доверительно пояснил:

– У меня есть личный интерес отправиться в Одессу. Туда уехал мой помощник титулярный советник Азвестопуло. В отпуск по семейным обстоятельствам. Родители его больны: мать давно в параличе, а тут и отца удар хватил. Сергей Манолович подумывает о переводе в тамошнее градоначальство, чтобы быть поближе к родителям. А мне терять такого помощника ах как не хочется, я его много лет искал... Вот и съезжу, сам погляжу, что можно сделать. Заодно концы этой истории поищу. А?

– Да мы не против...

– Тогда пишите рапорты своим министрам. Так, мол, и так, шпионы распоясались, они повсюду. А теперь проникли и в тайны минирования русских торговых портов. Следы ведут в Одессу. Разведать может один лишь гений сыска коллежский советник Лыков, надо его командировать в город цветущих акаций. И как можно скорее. Настрочите?

Моряк покосился на Лаврова. Тот сказал:

– На самом деле так и есть. Думаете, Алексей Николаевич шутит? Никто лучше него не справится, уж поверьте мне. И Азвестопулу своего поддержит, и шпионское гнездо разорит. А кто будет противиться, тому головушку набок.

Капитан-лейтенант отвел сыщика в делопроизводство штаба, занимавшееся минным делом. Там гостю под большим секретом показали полную карту будущих минных заграждений Одесского залива. Они должны были уходить в море на несколько миль. Три поста наблюдения, телефонная связь со штабом округа, все честь честью...

– Красивая схема, – одобрил Алексей Николаевич. – Жалко выбрасывать.

Он выписал всех, кто был допущен к сведениям о минировании залива. Делом заведовал Черноморский флот, армия держалась в стороне. Скопировать документ могли одиннадцать человек, считая писарей. В первую очередь следовало выяснить, досталась ли противнику вся схема или только ее первый лист.

Алексей Николаевич вернулся в департамент возбужденный и сразу направился к директору. Зотов выслушал подчиненного и тут же открестился, послал к Курлову. Но того не оказалось на месте. Секретарь пояснил, что товарищ министра у Столыпина, задерживается, но уже телефонировал от премьера. И велел срочно разыскать к его возвращению Лыкова! Что-то важное и неотложное. Похоже, с командировкой в Одессу придется повременить... Разве что военные с моряками сочинят такие бумаги, что перевесят прочие особые поручения.

Курлов появился спустя десять минут.

– Заходите, Алексей Николаевич, – буркнул он на ходу.

Генерал-майор был не в духе.

– Вот, – сказал он, вручая Лыкову документ. – Это свежая сводка происшествий, прочтите вслух предпоследний абзац.

Тот полез в конец бумаги и зачитал:

– «Между телеграфным постом номер четыре и станцией Белокаменная Московской окружной железной дороги совершено ограбление будки путевого сторожа Дроздова. В отсутствие хозяина, который был на службе, зверски убиты его жена и дети: три дочери и сын. С ними также соседка, зашедшая попить чаю. В живых остался лишь младший ребенок, спавший в корзине на печи. Надо полагать, что преступники его просто не заметили. Вещи в доме перерыты».

Какое-то время чиновники молча смотрели друг на друга. Потом коллежский советник скрипнул зубами:

– Опять! Когда же это кончится?

– О происшествии доложено государю. Он повелел поймать негодяев как можно быстрее. Четырех детей не пожалели...

Лыков тут же встал:

– Жду ваших приказаний.

– Вам следует немедленно выехать в Москву. Кошко уже занялся этим делом. Он хоть и опытный человек, но в Первопрестольной недавно. Поможете ему.

– Слушаюсь.

Коллежский советник хотел было идти, но товарищ министра не отпустил его, сказав:

– Столько крови за один раз... Им размозжили головы кувалдой. Знакомый почерк?

- Знакомый, – признался сыщик. Он и сам уже подумал об этом.
- Не тот ли это зверь, которого вы упустили в прошлом году в Тирасполе?
- Очень может быть.
- Вы докладывали тогда, что следы ведут в Одессу. Верно?
- Мы получили нечеткие данные. Люди боялись говорить правду.
- И что?
- Вместе с местной полицией перерыли город. Мой помощник Азвестопуло знает его как свои пять пальцев: все притоны, укрывателей, скупщиков краденого, налетчиков...
- Азвестопуло? Это тот, чернявый?
- Точно так, Павел Григорьевич. Титулярный советник. Он трижды был у вас вместе со мной. Талантливый, порядочный, со многими достоинствами.
- Что же вы злодея не поймали, если ваш помощник такой талантливый? – желчно спросил заведывающий полицией.
- Это не так просто. Степана Балуцы в Одессе не оказалось, иначе мы бы непременно его нашли. Но он мог туда вернуться позже.
- Зачем?
- Братья Балуца родом из Херсона, но состоялись как бандиты в Одессе. Тут их привычная среда обитания: сообщники, любовницы, покупщики добычи. Агафона пристрелили, а Степка... Он знает, что его ищут. И если поймают, то повесят. В Одессе ему прятаться легче всего.
- А налет на будку Дроздова? – спросил Курлов.

- Сделал вылазку, взял добычу – и опять назад.

- Какая добыча может быть у путевого сторожа?

- Не знаю, Павел Григорьевич. Вот скатаюсь туда, тогда отвечу на этот вопрос. Есть сторожа, связанные с железнодорожными ворами. У них в будке чего только не найдешь.

- Но зачем убивать шестерых? Баб да детей. Сопротивляться они не могли. Зачем? Не понимаю.

- Я тоже никогда этого не мог понять, – ответил сыщик. – Зачем волки убивают добычи больше, чем могут съесть? Вот и тут волк.

- Пора его... Ну вы понимаете...

- Пора, загулялся. Разрешите идти?

Так Лыков вместо Одессы угодил в Москву. Его давний знакомый Аркадий Францевич Кошко меньше года назад возглавил здешнюю сыскную полицию. Опытный и решительный, он начал наводить в городе порядок. Вряд ли надворный советник нуждался в помощи Лыкова. Но, если убийца шести человек действительно Степан Балуца, Алексей Николаевич хотел принять участие в дознании.

Он провел в Москве всю следующую неделю. Облазил место преступления, опросил соседей, а также самого Дроздова. В одночасье лишившийся почти всей семьи, тот был раздавлен горем. Единственного оставшегося в живых сына сторож не выпускал из рук и едва не молился на полугодовалого ребенка.

- Он у меня теперь смысл жизни, звездочка небесная, радость и ниточка до Бога, – твердил железнодорожник. – Ведь нелюди могли и его пришибить. Остался бы я один как перст. А Всевышний пожалел, пожалел... Наказал меня за грехи мои, но оставил отдушину.

Растерянный и опустошенный, Михаил Дроздов не в силах был помочь дознанию. Но соседи сказали, что он слыл в округе мужиком денежным. Скупой,

прижимистый, жену держал в черном теле. Сам не пил, не курил, но копейку привадить умел. Имел дело с ворами, торговал по ночам водкой (восемьдесят копеек бутылка!). Давал займы, причем под лихвенный процент. Суммы были небольшие, десять-двадцать рублей, однако взыскивал Дроздов строго. К тем, кто задерживал плату, являлись суровые вышибалы-уголовники. Кредитор вызывал их из Москвы, очевидно, имея в кругах фартовых знакомства. Это, видимо, и погубило семью мелкого жулика. Теперь он был сам не свой... Начальство из жалости пока терпело нерадивого обходчика, который едва справлял службу. Он обещал вызвать из деревни мать, доверить ей уцелевшего сына и взяться за ум.

От МСП [5 - МСП – Московская сыскная полиция.] дело вел опытный сыскной надзиратель Гревцов. Алексей Николаевич сблизился с ним год назад, когда занимался кражами на железных дорогах московского узла [6 - См. книгу «Узел»]. Гревцов в первый же день выложил перед питерцем главную находку – два обгоревших клочка газеты. Преступники сделали из них пыжи и забили в ружье, из которого застрелили собаку Дроздова. Газета была незнакомая, предстояло определить, откуда она.

К обрывкам сыщик присовокупил свои рассуждения:

– Убийц, полагаю, было двое. И они пришли неслучайно. Сторожа подвела его связь с блатными. И воровать помогал, и укрывал. Сам признается, что грешил против закона. Но убили его не свои, а приезжие. Как их – гастролеры называются?

Питерец кивнул и спросил:

– Почему вы так подумали, Иван Николаевич?

– Во-первых, воры умные и полезного человека убивать не станут. А они с Дроздова имели выгоду.

– Так. А во-вторых?

– Во-вторых, сейчас в Москве нет такого нелюдя, кто мог бы убить шестерых, включая детей.

– Так-таки и нет?

– Нет, – твердо ответил Гревцов. – Мы бы знали.

– А если новый кто появился?

– Новый мог убить сгоряча. Сперва одного, а потом испугался, что опишут приметы, и пришлось всех остальных свидетелей устранять. С испугу наследил бы так, что сразу бы попался. А здесь – опытные фартовые. Злые, бесчеловечные, но фартовые. Следы ловко замели – мы лишь пыжами и располагаем. Да и те случайно уцелели, преступники решили, что они сгорели при выстреле. Нет, это приезжий кто-то. Не наши.

Получалось, что обрывки газеты – единственная улика. Поэтому питерец изучил их внимательно.

Первый клочок не дал ничего. На нем размещалось обычное рекламное объявление о продаже редкого вина «Захарьинское опорто № 36», адрес магазина отсутствовал. А вот второй обрывок порадовал. Там тоже была реклама, но более интересная. Сообщалось, что в трактирном заведении Вавилова по Торговой улице в доме Малевича ежедневно предлагается игра оркестра из пяти мужчин и двух дам, а также одного куплетиста! В любом русском городе, наверное, имеется Торговая улица. А вот куплетисты и дамы в трактирных оркестрах уже редкость. Лыков, заранее решивший, что следы приведут его в Одессу, поспешил на телеграф. Он вызвал к прямому проводу губернского секретаря Черкасова. Тот был помощником полицмейстера, начальником одесского сыскного отделения. Между двумя сыщиками состоялся следующий разговор.

– Здравствуйте, Андрей Яковлевич, тут Лыков.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич.

– У вас в городе есть трактирное заведение Вавилова?

– Точно так.

- В доме Малевича по Торговой улице, и в нем играет оркестр?

- Точно так.

- А кто и когда печатал объявление об этом?

- Сразу сказать не смогу, но «Одесский листок» часто дает подобные рекламы. Если надо, я узнаю.

- Спасибо, Андрей Яковлевич, не нужно. Ждите в гости, скоро приеду.

- До встречи.

Итак, следы убийц действительно вели в город акаций. Вероятность, что кровь пролил Степка Балуща, стала почти стопроцентной. А вот кто второй? Алексей Николаевич был согласен с Гревцовым, что в одиночку на такое дело не ходят. Прибился случайный фартовый, а уже и сам не рад, что связался с иродом? Ведь из-за пустяшной добычи ему теперь полагается смертный приговор. Найти бы этого помощника да поговорить по душам... Между прочим, тогда в Слободзее у Балущы тоже имелся сообщник, который ушел от наказания. Трех взяли, а двое сбежали: Степка и еще Лукьян Самсонов. Опять он головы крушит, помогает атаману?

Лыков вернулся в Петербург и доложил свои соображения Курлову. Закончил тем, что надо ехать в Одессу. На нее же, кстати, указывает и перехваченное шпионское донесение. Сыщик подписал в департаменте бессрочную командировку и купил билет с четным номером [7 - Билет с четным номером означал место на нижней полке.] на ближайший поезд. Они еще раз сходили с Курловым к Столыпину. Премьер-министр подтвердил, что сыщик должен не только поймать убийц, но и отыскать изменника, продавшего немцам карту минных полей. Товарищ министра и глазом не моргнул. Как Лыков будет вести два дела сразу, его не интересовало. Назвался груздем - полезай в кузов.

Алексей Николаевич купил себе в дорогу пряников и пришел домой. Но не успел раздеться, как зазвонил телефонный аппарат. Он снял трубку с недобрим предчувствием. И не ошибся. Секретарь срочно вызывал его к Курлову, с которым сыщик простился час назад.

Когда Лыков вошел в кабинет, генерал-майор молча протянул ему бланк телеграммы. Градоначальник Одессы генерал-майор Толмачев извещал об очередном кровавом преступлении. У себя на квартире были зверски убиты больные старики Азвестопуло, а также сиделка Старой городской больницы Сахаловер. Всем троим размозжили головы большим молотком.

Глава 2

Снова вдвоем

Целую минуту Алексей Николаевич не мог прийти в себя. В голове крутилась мысль: каково сейчас Сергею? Сидит над обезображенными телами родителей, а в душе у него ад...

– Расскажите мне подробно об этом... – заговорил Курлов. – Как все случилось год назад, кто сообщники, как вышло, что преступник ускользнул. Если нужны бумаги, то сходите за ними.

– Разрешите по памяти, ваше превосходительство, – попросил Лыков. – Я все помню.

– Как угодно.

Коллежский советник сел, подвигал плечами, собрался с духом и начал:

– Двадцать первого сентября тысяча девятьсот восьмого года в селе Слободзея Тираспольского уезда Херсонской губернии произошло невиданное по жестокости преступление. У себя дома были убиты Нахман Коган, его жена Хава и их дети: дочь Гитли пятнадцати лет, дочь Эстера тринадцати, одиннадцатилетний Шулим, десятилетний Пинхус, близнецы восьми лет от роду Ицек и Двойра и пятилетний Давид. Вместе с ними погибли тетка Когана Шендли Коган и учитель еврейской школы Беньямин Шапиро. Единственной, кто выжил, оказалась трехлетняя Мариам. Ей тоже хотели проломить голову, но промахнулись, и удар пришелся вскользь. Разумеется, в свидетели она не годилась по малолетству.

Ввиду чрезвычайности преступления директор Департамента полиции Трусевич поручил мне с помощником оказать содействие местным силам. Путем энергичных мер нам удалось быстро выйти на след убийц. Помогли оставленные улики, а также беспечность самих злодеев, начавших пропивать добычу в ближайших кабаках.

Всего были схвачены три человека. Двое из них – крестьяне села Слободзея Иван Лукашов и Максим Калошин. Третьим оказался преступник-рецидивист Агафон Балуца. Мещанин города Херсона, судимый за ограбление, бежал из предварительной тюрьмы, последнее время скрывался в Одессе. Допросами удалось выяснить имена двух других негодяев, остававшихся на свободе. Первого звать Лукьян Самсонов, он тоже крестьянин из Слободзеи. Хитрый, подлый, именно Лукьян втянул простодушных односельчан в преступление. Наконец, последний – главарь банды Степан Балуца. В тюрьме ни разу не сидел, хотя подозревался в нескольких разбоях; один из них закончился смертью потерпевшего. Из Херсона перебрался в Одессу вместе со старшим братом Агафоном в девятьсот четвертом году. А через год сами помните, что началось. И в России, и в городе Одессе...

Лыков перевел дух и продолжил:

– В то время там было особенно неспокойно. Еврейский погром, бунт на «Потемкине», экссы через день. Длилось это долго, почти три года. Особенно досталось полиции в девятьсот седьмом, когда в других местах уже затихло. Многих погибших я знал лично. В Цепном переулке подбросили артиллерийский снаряд и перебили чуть не половину Петропавловского участка. В Бульварный участок кинули бомбу, тогда оторвало ноги приставу Лещеву. Погибли также двое городских, и тяжело ранило околоточного надзирателя Любинского. Затем из пролетки на ходу расстреляли уличные посты и убили троих. Напали на пристава Александровского участка Понасюка: от ран скончались сам пристав, его помощник Полянкевич, околоточный Серакевич и городской. Взорвали экипаж полицмейстера фон Гесберга. В центре города, у Александровского парка. И наконец, застрелили в Пятигорске бывшего временного генерал-губернатора Одессы Карангозова, уехавшего туда на лечение. Эти политические акции перемежались с уголовными. Одесса, Павел Григорьевич, необычный город. Там для налетчиков словно медом намазано – по окраинам расселилось огромное их количество. На улицах тогда опасно было показываться даже днем. Вот в этот котел и попали два негодяя из Херсона.

Степка хоть и младший брат, но быстро выдвинулся: стал податаманом в шайке налетчика Якова Дунаева по кличке Яшка Рыжий. Очень сильный физически, дерзкий, властный, он вскоре создал собственную банду. Однако при ограблении кассы мыловаренного завода братьев Ципоркис случилось то, к чему Одесса не привыкла. Бандит отобрал у кассира наличность, а потом вдруг схватил молоток и несколькими ударами проломил ему голову...

- И что, это сошло ему с рук? - нахмурился Курлов.

- Увы. Полиция была деморализована - только что подрывная дружина эсеров ранила фон Гесберга. И охранители сплеховали. Не проявили, скажем так, должного рвения. В результате Степка Херсонский, как стали звать нового атамана, вошел во вкус. Если бы его тогда сразу прижали...

- Балуце доставляет удовольствие убивать людей?

- Да. Он психопат с садистическими наклонностями. Казнит лично, наносит десять-пятнадцать ударов, пока голова жертвы не превратится в кровавое месиво. При этом радостно всхлипывает...

Генерал поежился:

- Откуда такие детали?

- Рассказали слободзейские Лукашов с Калошиным. Они хоть и дурного поведения, но обычные мужики. Когда увидели своего главаря в деле, чуть от испуга не сбежали. Но Степка прикрикнул: держите за руки, не то и вас прикончу. Теперь их за это повесят.

- Точно повесят?

- Да. Я телеграфировал в Одесский военно-окружной суд. Город все еще на положении усиленной охраны, поэтому их судили военные. Приговорили к смерти. Командующий войсками округа генерал-адъютант Зарубаев утвердил приговор. Со дня на день его приведут в исполнение.

– Вернемся к этому... – скривился Курлов. – Ведь его брат был убит? И он грозился отомстить?

– Да, Агафона пристрелили при попытке бегства. Он выпрыгнул в окно, прямо на допросе у следователя. Напал на часового, отнял у него винтовку и пытался прорваться за ворота. Подчасок не растерялся и уложил бандита на месте. Через неделю тело того подчаска нашли в Чубаевке, возле летних лагерей Тринадцатого стрелкового полка. С раздробленной головой.

– Это правда, что Балуца угрожал убить и вас с Азвестопуло?

– Правда. Осведомитель рассказал: атаман прилюдно поклялся в трактире «Лондончик» – это известный притон, – что грохнет двух питерских.

– И что вы?

Лыков пожал плечами:

– Я всю жизнь слышу такие угрозы, и пока живой.

– Но вот... как уж его?

– Сергей Манолович Азвестопуло.

– ...Сергей Манолович вернулся в Одессу, и его родители тут же были убиты. Это ведь дело рук Балуцы?

– Нет никаких сомнений.

Курлов вперил в подчиненного суровый взгляд:

– Когда прибудете на место, немедля отправьте титулярного советника Азвестопуло в Петербург. Я отзываю его из отпуска. Даю только девять дней: уладить имущественные дела и организовать погребение как полагается. После чего сразу сюда.

Алексей Николаевич растерялся:

- Как же так? А кто будет ловить Балуцу?

- Вы. При содействии местной полиции.

- Павел Григорьевич! В одиночку это невозможно! Кроме того, его знание города придется очень кстати.

- Невозможно подменять службу личной мезтью! – вскричал, в свою очередь, товарищ министра. – Вот что невозможно. Я запрещаю Азвестопуло дознавать совершенное преступление. Нас не поймут ни в верхах, ни в низах.

- Да наплевать на верхи! Вы что, не понимаете? У него отца с матерью убили! Как же он уедет оттуда?

- Поездом, причем курьерским. Повторяю: вести дознание он не имеет морального права. Так не делается на государственной службе. Чтобы полицейский в рамках официального дознания ловил убийцу своей семьи... Вы с ума сошли? Да мне Столыпин за это голову оторвет.

- И на Столыпина наплевать, – не удержался сыщик и тут же пожалел об этом.

Курлов взбеленился:

- Ах так?! Хотите, чтобы и вас отстранили от дознания?

Полицейские вскочили и глядели друг на друга с неприязнью. Только один был начальник, а другой – подчиненный.

- Ну? Хотите?

- Нет, не хочу. Прошу меня извинить за несдержанность.

- То-то. Идите. И немедленно отошлите титулярного советника сюда. Если, упаси господь, ослушаетесь – пеняйте на себя.

Уже в спину уходящему Лыкову Курлов добавил:

- И не вздумайте убить его при аресте!

- Это уж как получится, - живо развернулся коллежский советник.

- На сей раз постарайтесь, возьмите живым.

- Павел Григорьевич, вы хоть понимаете, чего требуете? Вы лично сколько задержаний опаснейших убийц провели?

- Э-э...

- Когда арестовываешь такого зверя, все может пойти наперекосяк. Степке терять нечего, его так и так повесят.

- Именно! Пусть лучше повесят. Не то пересуды пойдут, а у вас и без того репутация в этом вопросе хуже некуда. Впрочем, на репутацию вам, видимо, тоже наплевать.

- Мне на жизнь не наплевать. Балуца духовой [8 - Духовой - отморозок, отпетый бандит.], такие бьются до последнего. Рисковать собой ради чьего-то там мнения наверху? Увольте. Как получится, так получится. Постараюсь взять живым. Ей-богу! Но гарантировать ничего не могу.

- Тогда пойдете под служебное расследование. А там и со службы недолго вылететь!

Лыков хотел ответить, но сдержался. И даже не хлопнул дверью на прощание.

Через шестьдесят часов он сошел на перрон станции Одесса-Главная и обнял Сергея. Тот сжался и заплакал, как ребенок...

Они простояли так долго. Пассажиры оглядывались на странную пару. Седовласый, в возрасте мужчина обнимал за плечи молодого, а тот безудержно

рыдал. Наконец Азвестопуло взял себя в руки. Вытер слезы, кликнул носильщика.

– Где хотите поселиться, Алексей Николаевич? Можно у меня.

– Нет, поехали в гостиницу.

– В какую?

Питерец хорошо знал Одессу и поэтому долго не раздумывал:

– В «Лондонскую».

Эта гостиница первого класса стояла на Старом Николаевском бульваре, из ее окон открывался дивный вид на порт внизу, на море и на лучшую часть города. В прошлый раз коллежский советник жил там и остался доволен.

Заселившись, приезжий быстро принял душ и потребовал завтрак в номер. Сергей хотел уйти, но начальник не отпустил его:

– Выпей вместе со мной кофе, есть разговор. А потом поедem на кладбище. Ты ведь своих уже похоронил?

– Да, позавчера.

Коридорный принес завтрак. Как только он вышел, Лыков сказал:

– Возьми справку у доктора, что ты болен.

– Зачем? – удивился грек.

– Курлов требует, чтобы ты вернулся в столицу. Вести дознание он тебе запретил. Почтишь через девять дней – и в Петербург.

Азвестопуло недоуменно смотрел на коллежского советника.

- Ну? Понял теперь?

- Нет... Курлов свихнулся? Как он это себе представляет? Что, я буду в Питере без вас бумажки перекладывать, а вы здесь в одиночку станете ловить Степку Херсонского?

- Да.

- Он... идиот.

- Курлов службист. И правда не принято, чтобы полицейские вели дознание преступлений, жертвами которых стали их близкие родственники. Это похоже на месть. Павла Григорьевича можно понять.

- По совести - нет, нельзя!

- Можно, Сережа, можно и даже нужно. Ну какая у нас с тобой будет объективность? Ты же хочешь его задушить своими руками.

- Разумеется!

- А мне строго-настрого велено взять Степку живым. Иначе вылечу со службы.

- И что вы решили?

- Я тоже хочу придушить эту тварь. Но так и быть, оставлю его тебе. Буду держать, чтобы не вырвался.

- Вот это правильно.

- Конечно, правильно. А насчет увольнения мы еще поглядим - Павел Григорьевич себя сильно переоценивает. Не для того я столько лет в департаменте служил, чтобы всякая шушера меня выгоняла. Но справку у доктора возьми. Болен, прикован к постели, выехать пока не можешь. Учти, генерал захочет это проверить.

– Ха! Проверять Азвестопуло в Одессе? Из Петербурга? Смешно.

Сыщики поехали на старое христианское кладбище. Могила родителей Сергея находилась в дальнем конце. Место было непрестижное, невдалеке возвышалась за оградой Чумная гора. В свое время там хоронили умерших от трех чумных эпидемий, поразивших Одессу. Затем сверху начали наваливать мусор, и появилась самая настоящая сопка, подобная шахтерским терриконам. Хоронить на давно закрытом кладбище официально запрещалось. Спасибо полицмейстеру, что разрешил...

Посидев у свежей могилы, сыщики разделились. Сергей поехал на Большую Арнаутскую к доктору Трахтенгерцу за справкой о болезни. А Лыков отправился к градоначальнику представляться по случаю прибытия.

Генерал-майор Толмачев принимал у себя на квартире, на Маразлиевской улице, 18. Он обрадовался гостю:

– Алексей Николаевич! Очень приятно снова видеть вас в Одессе.

– И я рад, Иван Николаевич. Город у вас особенный, что и говорить. Плохо, что обычно я приезжаю по невеселым поводам.

Градоначальник сразу нахмурился:

– Да уж. Так жаль Сергея Маноловича. Поймите наконец эту сволочь!

– Для того и приехал.

– Пришла телеграмма от Курлова. Куда я ее задевал? Вот она. Категорически настаивает, чтобы титулярный советник Азвестопуло срочно вернулся в столицу.

– Вернется, как только выздоровеет.

– Так он болен? На похоронах я этого не заметил. Или нервы расшатались? Отца-мать схоронить...

– Расшатались, и сильно. Доктор прописал постельный режим.

– Ай-яй-яй! От расстройства и не такое случается, даже с молодыми. Жаль, грязелечебницы в Куяльнике откроются еще не скоро, они бы ему помогли. Так что мне ответить товарищу министра?

– Ну что вопрос взял на свою ответственность коллежский советник Лыков. Как только его помощник встанет на ноги, тут же отбудет к месту службы.

Толмачев насторожился:

– Алексей Николаевич, а зачем Курлов его требует? Разве Азвестопуло не станет помогать вам ловить эту нечисть?

– Генерал-майор опасается, что это неэтично. Сын ловит убийцу родителей. Павел Григорьевич боится пересудов. Он ведь еще и шталмейстер, следит за придворными ветрами...

– Да наплевать на разговоры! Каждый поймет, что иначе и быть не может. Уехать и не наказать? Как так?

– Я пытался объяснить его превосходительству. Услышал в ответ, что вылечу со службы.

– Да вы что? – ахнул генерал. – Ну-ну... Много он на себя берет, скажу я вам. Желает сохранить мундирчик в чистоте? И ради этого готов перешагнуть через человеческое горе? Ему же Сергей Манолович никогда не простит.

– Курлову до этого дела нет.

– Хм. И что вы решили?

– Вы уже слышали: титулярный советник Азвестопуло болен. Пока не вылечится, ни о каком отъезде не может быть и речи.

– Понял! – обрадовался Толмачев. – А вылечится он, как только схватит Балуцу. Верно?

– Точно так, Иван Николаевич. Видите, вы все понимаете. А эти из Петербурга думают, что могут гнуть подчиненных в дугу ради политеса. Ей-богу, идиоты...

Генерал оглянулся на дверь и спросил шепотом:

– Вы ведь его убить хотите? Я никому не скажу, честное слово.

– Конечно, хотим, – вздохнул питерец. – Только нам запретили.

– Кто? Курлов?

– Да.

– Совсем он в жизни не смыслит...

– Говорит, что Балуцу так и так повесят. А вот ежели мы с Сергеем придушим его при задержании, то получится, что это месть. Недостойно-де государственных служащих.

– Тут его превосходительство можно понять. Но вам-то каково? Взять живьем такую гадюку! А вдруг он не дастся?

Лыков поднялся и протянул градоначальнику руку:

– Надеюсь на вашу поддержку, Иван Николаевич. Если откровенно, то мы сделаем все, что в наших силах. Получится живым взять – хорошо. Пусть посидит полгода в камере смертников. Ожидание смерти порой хуже самой смерти. Если нет, то... я готов ответить по закону. А Сергея шталмейстеру не выдавайте!

– Договорились. Теперь ступайте к Кублицкому-Пиотуху, он ведет дознание. Вы человек опытный, кроме того, уже пытались поймать Степку в прошлом году. Вам и карты в руки. Возглавьте дело, но уж тогда и ответственность вся на вас. Согласны? Если да, то сегодня же это будет в приказе.

– Спасибо, Иван Николаевич. Конечно, согласен. Азвестопуло будет участвовать неофициально.

– Само собой.

Жандармский ротмистр Кублицкий-Пиотух исправлял должность одесского полицмейстера. Лыков и его знал с прошлого года. Он отправился на угол Преображенской и Кондратенко – так с недавнего времени называли бывшую Полицейскую улицу.

Спускаясь по лестнице, сыщик вдруг остановился. Минут пять он глядел в окно и о чем-то сосредоточенно размышлял. Потом сказал сам себе:

– Да, так будет лучше.

У входа в городское полицейское управление Алексея Николаевича дожидался Сергей.

– Получил бумажку?

– Да.

– Чем же ты так невыносимо страдаешь?

– Расстройство психики с галлюцинациями и начальными признаками душевного разлада.

– Опомнись! С таким диагнозом со службы турнут.

– Да? Можно переделать.

– Переделай. Что-нибудь с двигательными функциями: ревматизм, люмбаго... На худой конец сифилис. Любую хворь, от которой хорошо помогают грязи здешних лиманов. Поэтому тебе из Одессы уезжать нельзя, сначала нужно пройти курс восстановительного лечения.

– Понял, сварганю. А курс начинается пятнадцатого мая, через полтора месяца. Я думаю, мы успеем раньше.

– И еще кое-что, Сергей.

Лыков доверительно взял помощника под локоть.

– Я тут подумал как следует... Нам надо непременно взять Степку живым. Не убивать, а сдать в каземат целым и невредимым.

Азвестопуло резко отстранился. У него было лицо человека, у которого отобрали мечту.

– Выслушай меня спокойно, – поспешил объясниться коллежский советник. – Курлов закусил удила. То, что ты не вернулся в Петербург, возможно, сойдет тебе с рук. Если одесситы не донесут наверх, что ты участвуешь в дознании. А вот убийство Балуцы при задержании... Товарищ министра этого не простит ни мне, ни тебе. И если меня, старичка с заслугами, еще могут защитить, то тебя кинут на съедение.

– К черту!

– Послушай. Действительно получится, что это вульгарная месть. А это неправильно. Вот взять стервеца за пищик и упаковать – много лучше. И по совести тоже лучше. Ты же на коронной службе. И ловил бы гада столь же усердно, если бы он убил не твоих родителей, а любых других людей. Ведь так?

– Ну... Возможно.

– Подумай и ответь честно.

– Ну... так. Убийца должен быть пойман в любом случае.

– Вот! – ухватился за эти слова Лыков. – Мы не мстим за твоих отца с матушкой. Иначе, извини, и правда надо увольняться. Мы ловим чудовище, уничтожаем зло. Тут Курлов, как ни крути, прав. Закон нельзя использовать для удовлетворения собственных желаний. А Балуца сядет в камеру смертников. Каждую ночь он будет лежать без сна, прислушиваться к шагам в коридоре: не за ним ли идут? Каждую ночь, месяц за месяцем... Это много хуже, чем умереть при аресте. Пускай мучается, считает мгновения оставшейся ему жизни. Согласен? Если да,

то идем на совещание.

Вскоре в кабинете полицмейстера собрались пятеро. Ротмистр Кублицкий-Пиотух и его помощник губернский секретарь Черкасов были хорошо знакомы питерцам. Новым для них был коллежский асессор Челебидаки, чиновник особых поручений при градоначальнике. Толмачев приказал включить его в число лиц, ведущих дознание. Видимо, чтобы иметь возможность отчитываться перед Курловым. А может, сам хотел следить за поимкой невиданного по зверствам преступника...

Лыков как старший в чине открыл совещание.

– Александр Павлович, что удалось сделать вашим людям до моего приезда? – спросил он полицмейстера.

Ротмистр откашлялся и пробасил:

– Пусть начальник сыскного отделения доложит. Андрей Яковлевич, валяйте со всеми подробностями.

Черкасов тоже откашлялся. Может, у них в Одессе так заведено? Потом губернский секретарь открыл блокнот и стал рассказывать:

– Убийство четы Азвестопуло и сиделки Сахаловер произошло днем двадцать девятого марта. Точное время нам не известно, тела были обнаружены лишь вечером, когда...

Тут он запнулся, перевел взгляд на Сергея.

– Когда их сын вернулся домой. Он немедленно вызвал сыскную полицию и доктора. Осмотр места происшествия показал, что...

Черкасов опять запнулся. Лыков торопливо протянул руку к блокноту и закрыл его.

– С вашего разрешения, я сам прочитаю все бумаги, которые накопились в деле.

– Пожалуйста.

– Переходите к тому, чего нет в бумагах. Доложите ваши выводы и что уже сделано в рамках дознания.

– Хорошо, Алексей Николаевич. Вывод очевиден: убийство совершил Степан Балуща. Почерк его, такой ни с кем не спутать. И мотив ясен: месть за смерть брата. Напасть на Сергея Маноловича он, видать, побоялся и решил отыграться на стариках... Судя по оставленным следам, бандит был не один. Еще два или три человека рылись в вещах, выносили узлы...

– Но непосредственно в убийстве они не участвовали?

– Мы убеждены, что нет. Беспомощные старики и молодая девушка – легкая добыча. Помощники Степке не понадобились. Более того, складывается впечатление, что остальные злодеи старались не приближаться к телам. Как будто их коробило.

– Никто ничего не видел и не слышал?

– Точно так. Вы же знаете расположение дома.

Лыков знал. Он несколько раз бывал на квартире родителей Сергея. Старики привечали шефа своего единственного сына... Они жили во флигеле дома Лазариса на пустопорожном месте «Ливадия» за Щелаковской улицей. До хозяйского корпуса было чуть не тридцать саженей. Преступники проникли во флигель через заднюю калитку и так же удалились. Отец Азвестопуло вышел в отставку рано, чтобы ухаживать за больной женой. Начисленной ему крохотной пенсии едва хватало на аренду дрянного флигеля на окраине Пересыпи. Если бы не помощь сына, старикам пришлось бы голодать.

– Пришли через пустырь и ушли той же дорогой... Что думает отделение о сообщниках Балущы? Люди не побрезговали участвовать в столь безбожном деле. Сами не казнили, но вещички сложили в узлы и вынесли как ни в чем не бывало.

Черкасов оживился:

- Имеем соображения.

- Ну-ка, ну-ка!

- Проведенными мероприятиями выяснено, что сейчас на Сахалинчике завязывается война между двумя бандами. Первая, местная, принадлежит Титу Любченко по прозвищу Золотая Пасть...

- Откуда такая кличка? - встрепнулся Сергей. - При мне не было.

- А он так от воинской службы отшился три года назад. Согласно пункта пятьдесят четыре «Расписания болезней, освобождающих от отбытия воинской повинности», в войска не берут при отсутствии у рекрута десяти зубов в одной челюсти. Или четырнадцати в обеих. Причем зубы мудрости в это число не входят. Вот наш Тит и рассудил. Явился к зубодеру и велел удалить сверху десять зубов. Получил на этом основании белый билет и сразу записался в скоки [9 - Скок - бандит, налетчик.]. Деньги чтобы заработать на поправление фасада. Вставил себе новые зубы, золотые. А потом и до батьки [10 - Батька - главарь банды.] дорос. Заправлял в последнее время на Сахалинчике. Это такая клоака между улицами Водопроводной, Бассейной и Среднефонтанской. Поблизости арестный дом, тюрьма тоже неподалеку. Местность окраинная, с одной стороны вокзал, с другой - ипподром. И там и там жулья навалом. Вот Любченко и обирал публику, с чего и жил не тужил. Но зимой его главенство пошатнулось. Из Николаева приехала банда в двадцать озорников и поселилась на землях Золотой Пасты. Называют они себя - ребята-ежики.

- Как-как? - не понял Лыков.

- Ребята-ежики. Песня у них такая, навроде полкового марша: «Мы ребята-ежики, в голенищах ножики».

- «Любим выпить, закусить»? Слышал в Новозыбковском централье, свежая уголовная частушка. Уже и до Одессы добралась?

- Из Николаева приехала, вместе с озорниками.

- И что?

– Да буча у них между собой, вот что. Сахалинчик невелик, больше одной банды не прокормит. А тут две. Кому-то придется уступить.

– И как сейчас обстоят дела?

– Золотой Пасти туго приходится, – усмехнулся главный одесский сыщик. – Мы его пощипали, сразу пятерых взяли на Масленицу. И, значит, ослабили. А тут двадцать скоков зараз. Одолевают ребятенка.

– Андрей Яковлевич, а какая здесь связь с делом, которое мы обсуждаем?

– Есть связь, Алексей Николаевич. «Ежики» эти не сами по себе в Одессу приперлись и начали местных задвигать. У них новый атаман. Степка Балуца.

– Ага! Это его пехота?

– Можно и так сказать.

В разговор вступил Азвестопуло:

– А как вышло, Андрей Яковлевич, что николаевские скоки подчинились выродку из Херсона, который сам, как говорят в Одессе, приезжий?

– Черт его ведает, Сергей Манолович. Видать, им понадобился здешний покровитель. А Степка в городе давно, в блатных кругах пользуется авторитетом. Барыг всех знает, наводчиков с пристанодержателями...

– Такая тварь и в авторитете?

– А что тут странного? – удивился в ответ Черкасов. – Мы все для фартовых не люди. Мы бараны, которых надобно стричь. Ну разбил Степка головы детишкам со стариками. Нам, конечно, не понять. Сразу в крик: зверь, тварь бесчеловечная! А блатным до того дела нет, их интересует, взял он при этом добычу или зря прогулялся. Если взял, то молодец.

– Но ведь не все такие изуверы, как он, – вмешался Челебидаки.

– Не все, – охотно согласился с начальством губернский секретарь. – Из общего стада Балуца, безусловно, выделяется. Умный-то уголовник зря кровь лить не станет, чтобы нас не злить. Поэтому другие батьки Степку, пожалуй, стороной обойдут. Но так, чтобы осудить? Нет. А для пользы дела и сядут за один стол, как с равным. Поэтому на должность атамана он вполне годится.

– Но вы сказали, что в последнем убийстве ребята-ежики не участвовали? – напомнил Алексей Николаевич. – И даже словно бы сторонились крови?

– Судя по следам, да. Ну и что с того? Узлы с тряпьем вязали будь здоров, не побрезговали.

– Так, подведем итог, – заговорил полицмейстер. – Андрей Яковлевич, я правильно понял вашу преамбулу? Есть крупный уголовник, которому Балуца перебежал дорогу. Вы предлагаете вступить с ним в соглашение?

– Именно так, Александр Павлович. Золотая Пасть на Сахалинчике знает все про всех или может узнать. Это моим надзирателям то ли ответят, то ли промолчат. А Титу насыпят полный карман. И он наш союзник, ему Степка Херсонский как кость в горле. Сдаст он его нам тепленьким, да еще приплатит.

– Дельная мысль, – хором сказали питерцы.

– Даю разрешение на встречу, – важно объявил ротмистр.

– Назначена на сегодняшний вечер, – доложил губернский секретарь. – В десять часов вечера в чистой половине трактира «Садик», что в Гаванной улице.

– Можно мы с вами пойдём? – спросил Азвестопуло с надеждой в голосе.

– Напугается он такой толпы, – возразил начальник сыскного отделения. – Лучше я один. Все-таки фартовый фартового будет полиции сдавать. У них за такое режут.

– Тогда мы у дверей постоим, в роли вашей охраны, – решил коллежский советник. – Раньше всех узнаем, как прошла беседа.

На этом совещание закончилось. Челебидаки тоже взял на прощание важный тон:

– Прошу немедленно сообщить мне результаты, для передачи его превосходительству.

– Будет сделано, Анастасий Анатольевич, – уверил чиновника особых поручений полицмейстер. – Рапортом в лучшем виде, доставим вам на квартиру. Вы, так сказать, глаза и уши градоначальника, куда ж мы без вас.

Глава 3

Ребята-ежики

До встречи в «Садике» оставалось еще четыре часа. Питерцы спустились в кабинет Черкасова. Сыскное отделение помещалось на первом этаже дома номер сорок четыре по Преображенской улице, вместе с городским управлением полиции и Бульварным участком. Так стояло в календаре. Сами одесситы говорили: угол Преображенской с Кондратенко. Только в Одессе и Петербурге Лыков встречал такие «угловые» адреса.

Тесный кабинет начальника отделения был обставлен казенной мебелью, по стенам висели карточки преступников, объявленных в циркулярный розыск.

– Андрей Яковлевич, расскажите про криминальную обстановку в Одессе, – попросил Лыков.

– Да вы у нас частый гость, сами все знаете.

– В четвертый раз всего.

– В четвертый? – удивился главный сыщик. – Разве?

– Впервые мы с вами познакомились в тысяча девятьсот четвертом году, я тогда забрал в Петербург Сергея Маноловича. Вы еще были приставом, прикомандированным к сыскному отделению. Второй раз приехал, когда Азвестопуло под именем Сереги Сапера предупреждал покушение на градоначальника Григорьева. Третий – прошлой осенью, когда мы с вами неудачно ловили бежавшего в Одессу Балуцу.

– Ну коли так... Скажу прямо, Алексей Николаич, в сравнении с тем, что было в лихолетье, у нас теперь ничего. Жить можно. Преступники, конечно, никуда не делись. Работают хлопцы, без дела не сидят. Но мы ввели их в оглобли. Убийств стало не в пример меньше. Квартирных налетов почти нету. Кражи – да, их по три штуки каждую ночь. Тащат у тюньтей [11 - Тюньтя – ротозей.] что плохо лежит. Ну разденут иной раз, ножиком ткнут не до смерти. Да вот хоть сводки происшествий поглядите, в них все видно.

Начальник сыскного отделения выгреб из стола пачку листов, взял верхний и стал зачитывать вслух:

– Вчерашнее второе апреля хотя бы взять. В час ночи на Сенной площади трое ограбили проходившего мимо мещанина, отобрали пять рублей и пиджак. Зачем он, спрашивается, в такое позднее время шлялся в нехорошем месте? Далее. На Мельничной улице в доме двадцать два крестьянин Степан Вертлан ударил топором по голове крестьянина Ивана Колдырина. Подрались дураки по пьяному делу. Тяжелое ранение... Вот странное происшествие! Крестьянин Абраменко украл из галантерейного магазина Гальперина в Пассаже на Преображенской улице три пары дамских кальсон. Вы не знаете, для чего мужику бабские кальсоны?

– А что-то посерьезней?

– Хм. Ну вот вам другое. – Губернский секретарь взял следующий листок. – Тридцатого марта на той же Мельничной улице обнаружен труп неизвестного с тремя колотыми ранами в груди. Труп отправлен в анатомический покой Новой городской больницы. Преступление, как вы говорите, серьезное, со смертельным исходом. До сих пор не раскрыто. Похоже, скоки не поделили что-то между собой. Уж очень вид у покойника страхолюдный. И в ту же ночь в саду Юлиуса нашли полузадушенного бессознательного человека. Отправлен в больницу в тяжелом состоянии. С этим случаем более-менее ясно: напился шмендрик в кабаке и дал себя ограбить. Ладно хоть не до конца давили, пожалели.

– То есть в один день произошли убийство и ограбление, – констатировал Лыков. – А вы говорите, спокойно в Одессе.

– Это просто тридцатое марта такое выпало, – стал оправдываться Черкасов и опять зашелестел бумажками. – Вот получше денек. У Магазионера, известного скупщика краденого, при обыске нашли золотые и серебряные вещи. Мы их отобрали по подозрению в неблаговидном приобретении, будем предъявлять потерпевшим. Далее. Содержатель будки съестных припасов в Карантинной гавани Карп Соловьев заявил о краже у него самовара и весов; убытку на двадцать пять рублей. А в извозном заведении наследников Свиридова стащили кучерский армяк и экипажные часы, всего на сумму сорок рублей. Неужто экипажные часы так дорого стоят? Ох, врут наследники...

Коллежский советник отобрал у главного сыщика рапортчики и стал их просматривать, комментируя:

– В доме номер восемь по Среднефонтанской дороге крестьянин Иван Зайонц ранил ножом крестьянина Василия Седых, домохозяина... На проходившего по Колонтаевской улице крестьянина Гурия Швеца-Шевчука набросился неизвестный и нанес ему колотую рану в грудь... Угол Ришельевской и Большой Арнаутской, в одиннадцать часов ночи двое напали на мещанина Мойше Шнайдера, ударили финкой в спину и убежали... А поножовщины-то много, Андрей Яковлевич!

– Встречается, врать не буду. Но по сравнению с тем, что было раньше, – небо и земля. Ведь тогда в слободках Одессы скопилось до трех тысяч бандитов! Представляете? Чуть не дивизия. Лучшая часть города оказалась словно в осаде. Молдаванка, Бугаевка, Пересыпь, Косарка, Сахалинчик, Фонтаны, Дальник, Гниляково, Татарка, Романовка, Усатово, оба Куяльника, Кривые хутора... И время было не в пример злее. Эсеры с анархистами били нас почему зря. Полиция кровью исходила. И служебного рвения, чего уж греха таить, у нас у всех поубавилось. Тут и вылезли эти скоки, почували слабинку и поперли толпой. Едва мы тогда устояли...

Трое сыщиков помолчали, каждому было что вспомнить. Наконец Лыков подытожил:

– Что ж, все ясно. Слухи об Одессе как бандитской столице весьма преувеличены. Сегодня по числу тяжких преступлений вы сильно уступаете Киеву с Ростовом-на-Дону и чуть-чуть – Риге. Почетное четвертое место. Основные злодеяния – это кражи, верно?

– Кражи, мошенничества и контрабанда. Город на треть еврейский, и притом крупнейший морской порт. Имеется, так сказать, специфика. Вот, обратимся опять к бумажкам.

Черкасов забрал у питерца рапорты и стал читать:

– Арестованы квартирные воры Хаим Гортенберг, Нухим Дрейзиц, Фишель Фрейдинберг... Карманные – Израиль Фактор, Сруль Фельдман, Лейба Церикмеер, Давид Мордков. Магазинные – Любский и Лобрис, имена не указаны, а сам я не помню, потому как они приезжие... Скупщики краденого – Ханна Штейман, Мовша Баянер, Лазарь Пинхасик... Сплошь одни евреи!

– Говорят, среди них есть даже скоки? – недоверчиво спросил питерец.

– У нас в Одессе все есть, – самодовольно ответил начальник отделения. – Даже такая невидаль, как бандиты из иудеев. Они появились в пятом году как отряды самообороны. Тогда иерусалимские дворяне [12 - Иерусалимские дворяне – евреи (уничж.)], опасаясь погромов, начали формировать боевые дружины. И набрали босяков с Пересыпи и Молдаванки. Там ребята – во! По пять пальцев на каждом кулаке. Дали им оружие и денег чуток, а те вошли во вкус. От погромов не шибко помогли, разве что перестреливались с союзниками [13 - Союзник – член черносотенного «Союза русского народа».] с ничтожными потерями с обеих сторон. А потом увлеклись эксами и тут уже развернулись во всю ширь. Сделались профессиональными скоками. Теперь имеем Яшку Солдата – Янкеля Горловицкого, Восляшку – Рувина Уриха, Гундосого – Герша Суконика и ряд подобных им персонажей. Есть даже отряд убийц на заказ. Правда, убивают и грабят они только своих. Не дай бог православного обчистить – такое начнется!

– Что начнется? – удивился питерец. – Мы, православные, тем и славимся, что, покуда нас самих не заденут, помалкиваем. Никакой взаимовыручки.

Черкасов вздохнул:

– Говорю же: Одесса – это город, в котором евреи играют большую роль. Так повелось издавна. Нас сделало порто-франко. Его ввели в тысяча восемьсот семнадцатом году, чтобы помочь отойти от последствий холерных эпидемий и войны с турками. А отменили лишь в пятьдесят девятом. За эти золотые годы Одесса и поднялась. Шутка ли – единственная в России гавань беспошлинной торговли! Мы стали главным складочным местом что для ввоза, что для вывоза. Некоторые семейства за эти годы разбогатели сказочно. Кто на торговле, а иные и на контрабанде. Среди тех и других много было иудеев, такой уж это оборотистый народ. В нашем белокаменном городе иудейское племя исторически имело влияние. Французские фокусы [14 - Французские фокусы – то же, что еврейские штучки.] круглый год. Никого это особо не раздражало, кроме греков, главных их конкурентов в торговле. И погромы еврейские, которые были издавна, все учиняли греки. И вдруг в октябре пятого года, сразу после манифеста, случилась у нас в городе большая беда. Четыреста человек, говорят, убили, а то и больше... Особенно почему-то отличились в зверствах рабочие завода РОПиТ [15 - РОПиТ – Российское общество пароходства и торговли.], который в порту. И теперь все евреи знают: тронешь православного – опять придут ропитовцы и задавят. Сначала ограбят, а потом задавят. После того злосчастного погрома, совсем не похожего на греческие, стало у нас как-то по-другому. Хуже стало. Нет уже прежней добродушной Одессы...

– Про евреев понятно. А русские воры отсутствуют, что ли?

– Почему отсутствуют? – обиделся за своих главный сыщик. – Да сколько угодно. Вот давеча подстрелили на деле Порфирия Стригунова. Пытался обчистить квартиру начальника местной бригады генерал-лейтенанта Путятин. Городовой, молодчина, его заметил. Сначала пальнул в воздух, а когда вор кинулся бежать, выстрелил в цель. Попал в спину и арестовал раненого. Так Порфирий ушел из больницы! Ищем, куда не нашли... Вот какие ловкачи встречаются меж нашего брата. А Егор Васич? А Глеб Головин с Георгием Ивановым? А Дрогачев по прозвищу Акула? Не положу охулки, ребята первый сорт. Малороссы тоже отличаются, и греков немало. Одесса, скажу я вам, Алексей Николаевич, в этом отношении городок уникальный. Всякой твари по паре. Даже англичане имеются. А еще сербы, болгары, арнауты, поляки, бессарабцы, немцев невпроворот.

Начальник сыскного отделения оживился, на лице его появилось горделивое выражение:

– Вы знаете, Алексей Николаич, какое место среди городов империи Одесса занимает по численности населения? Четвертое! Сразу после Петербурга, Москвы и Варшавы. А по фабрично-заводскому производству? Тоже четвертое, лишь немного уступаем той же Варшаве. И скоро, может быть, ее и обгоним. А по оборотам внешней торговли нам вообще нет равных. По ввозу мы третьи после Москвы и Петербурга, а по вывозу даже превосходим столицу! Четверть всего российского вывоза проходит через наш порт. О как! И при этом Одесса формально уездный город. Пусть и с градоначальством... Найдите другой такой в государстве. Не найдете!

Лыкову нравился патриотизм одессита, но он не удержался и поддел его:

– По преступности вы тоже четвертые, не уступаете.

– А так и должно быть по нашему масштабу, – добродушно парировал Черкасов.

Азвестопуло, сам родом из Одессы, поддержал земляка:

– Вы сходите в порт, Алексей Николаевич, поглядите, что там творится. Сейчас, когда зима кончилась, возобновились экспортные операции с хлебом. Не зря наш город называют пшеничной столицей России. Сила! В день приходит до тысячи вагонов с зерном. «Хлебные городки» на Пересыпи и у Тираспольской заставы просто какие-то монбланы!

– Ладно, поймаем Балуцу – схожу. А теперь пора делом заняться.

...Лыков с Азвестопуло простояли на страже у задних дверей «Садика» недолго. Черкасов зашел внутрь и через минуту вышел, лицо у него было обескураженное.

– Что случилось, Андрей Яковлевич?

– Золотая Пасть хочет, чтобы вы тоже присутствовали.

– Зачем?

– Полковник из Петербурга тут большая редкость... У него есть до вас надобность.

– А как он узнал про меня?

Черкасов еще более смутился:

– Я сказал. Для солидности.

Так питерцы присоединились к беседе. Тит Любченко оказался детиной лет тридцати, с неправдоподобно большими кулаками и мощными плечами амбала. Но глядел богатырь без робости, с достоинством. А золотые зубы сияли в два ряда, и в верхней челюсти, и в нижней; их хватило бы на два белых билета.

– Позвольте документик ваш полюбопытствовать, – начал атаман.

Алексей Николаевич раскрыл свое удостоверение.

– Ага, без обману, значит. Тогда так.

Любченко кликнул полового. Вбежал расторопный паренек, расставил по столу бутылки с пивом и исчез. Когда дверь за ним закрылась, Золотая Пасть заговорил:

– Степка Херсонский и вам враг, и мне. Вы, господин полковник, из-за него сюда приехали?

– Верно.

– А ваш товарищ, он грек по наружности. Не его ли папашу с мамашей Степка давеча сложил?

– Опять верно.

– Авестопуло, значит. Бывший Серега Сапер.

- Перейдем к делу, - предложил грек. - Как нам найти эту тварь?

Золотая Пасть покачал головой:

- Больно просто вы хотите все устроить. Где прячется Степка, я не знаю. Но про то ведают ребята-ежики. Поймайте их и спросите.

- Пусть так. А где ловить тех галахов?

- На Среднефонтанской что ни дом, то притон. Степкина халястра меняет местожительство чуть не каждый день.

- Погоди, Тит, - вмешался Черкасов. - В той халястре двадцать байстрюков. Столько ни в один притон не влезет. Говори точнее.

- Ваша правда, Андрей Яковлевич. Они селятся кучно, занимают две-три хаты обособь, и чтобы собаки были обязательно. Степка хитрый, все ваши приемы знает.

- Цену, что ли, себе набиваешь? - сердито спросил Лыков. - Дело говори, иначе зачем ты нам сдался? Адреса, фамилии. Кто их блатер-каин, кто блатноги, кто барохи [16 - Блатер-каин - скупщик краденого; блатноги - извозчик, обслуживающий банду; бароха - любовница.]. Где они в картишки режутся. Ты же был на Сахалинчике хозяин, значит, все обязан знать. Ну?

Атаман поморщился:

- А насчет меня вы подумали? Батька - и вдруг мойсер [17 - Мойсер - доносчик.]. Сразу догадаются, кто навел. Другие батьки меня в падло батистовое переведут, из коневых-то людей. Враз на шабер наденут [18 - Падло батистовое - негодяй; коневый - авторитетный; шабер - нож.].

- Пошли отсюда, Андрей Яковлевич. - Лыков сделал вид, что хочет подняться. - Только время зря теряем. Удивляюсь, как такой бажбан держал целый Сахалинчик.

– Погодите, ваше высокоблагородие, – сразу взмолился скок. – Я наводку дам, но не на саму халястру, а на ихнего оружейника.

– То есть?

– Есть такой Вовка Иванов, служит машинистом при паровом отоплении в приюте имени графа Шувалова. Той машинист торгует револьверы. А маслины сам лепит.

– Патроны изготавливает? – оживился Черкасов. – И оружие продает? Вот шельмец. А где он его добывает?

– Да контрабандою. Причем торгует эти, «бульдоги», самое говыдло [19 - Говыдло – дешевая, некачественная вещь.]. Мы их называем шестиосечками – как ни стрельнешь, все заедает.

– Зачем же такая дрянь скокам?

– Так то ребята-ежики, им свинорез [20 - Свинорез – нож.] по душе. А шпайер так, для виду, чтобы на фраеров страх наводить. Вот и берут всякую полову. Маслины той машинист вообще самолично отливает. На глазок, копченая гобелка! То ли вылетит такая из дула, то ли нет, наперед никто не знает.

– Значит, ты предлагаешь нам взять этого мастера и расколоть, – констатировал Лыков. – Чтобы он указал на банду «ежиков», а ты как будто ни при чем. Правильно я тебя понял?

– Правильно, ваше высокоблагородие.

– А твой Иванов точно знает, где «ежики» прячутся? – недоверчиво спросил Азвестопуло. – Паровое отопление от банды далеко.

– Зуб даю на холодец! Он же свои пукалки им относит, чтобы на лавэ [21 - Лавэ – деньги.] поменять.

Больше ничего ценного Любченко не сообщил. Вместо этого он попытался разжалобить начальника сыскного отделения:

– Ваше благородие, как там мои хлопцы? Может, отпустите за недоказанностью? А то эти кугуты [22 - Кугут – жлоб, грубиян, хам.] совсем обнаглели. Вчера трем хорошим ребятишкам дюндель начистили, ни за что ни про что. И отбивную по ребрам. Силенок нет им ответить. А? На бранжу [23 - Бранжа – дело.] хоть не ходи...

Черкасов отмахнулся:

– Погодь немного. Вишь, приехал господин Лыков. Он твоих обидчиков в бараний рог согнет. Считай, что с «ежиками» покончено. Опять станешь королем Сахалинчика и окрестных местностей.

Батяка ушел первым. Сыщики выждали десять минут и тоже удалились. На улице Алексей Николаевич спросил губернского секретаря:

– Кто такой Вовка Иванов?

– Выясним. Сейчас адресный стол зарядю и с агентов всю подноготную затребую.

– Человек у вас оружием торгует, а вы про него не знаете?

– Так ведь четыреста тыщ народу в Одессе проживает, – начал оправдываться главный сыщик. – Даже больше. А нас в отделении двадцать семь душ, считая со мной.

К утру справки по Иванову были собраны. Лыков лично изучил «Дневник агентурных сведений, доставляемых секретными сотрудниками» и прилагаемый к нему «Листковый алфавит лиц, упоминаемых в дневнике». Машинист при паровом отоплении промелькнул там дважды. В прошлом году он засветился при покупке у греческого шкипера пяти контрабандных браунингов. Арестованный с таким пистолетом портовый сносчик указал на машиниста. Иванов почему-то отделался устным внушением... Вторично он появился в рапорте осведа [24 - Освед – осведомитель.] по кличке Дроля. Там прямо говорилось, что Иванов снабжает оружием скоков Сахалинчика и Романовки. И действительно сам изготавливает у себя на службе боевые патроны приемлемого качества. Пора брать молодца!

Машинист-оружейник проживал на Трусовой улице. Сыщики стали совещаться. Питерцы предлагали взять его в проследку, чтобы он вывел их на банду «ежиков». Одесситы возражали: вдруг машинист туда пойдет через неделю? В конце концов местные одержали верх. Вечером того же дня Иванов был арестован без лишнего шума и доставлен в сыскное отделение. При обыске у него нашли три «бульдога» и ведро револьверных патронов кустарного производства.

Согласно статей пятнадцатой и шестнадцатой Положения об усиленной охране, наказание за это полагалось небольшое. Или штраф в пятьдесят рублей, или двухмесячный арест при полиции. Напугать этим бывалого человека невозможно. И Лыков поступил иначе. Он допросил Иванова один на один, тот юлил и врал. Тогда коллежский советник доверительно сообщил арестованному:

– Мы ведь все знаем. Ты поставляешь оружие банде, приехавшей из Николаева. Ребята-ежики они себя называют. Так? А эти «ежики» мне сильно интересны. Дело в том, что они убили на днях отца и мать моего помощника, титулярного советника Азвестопуло. Слышал о преступлении на Щелаковской улице? Недалеко от тебя, должен был слышать.

– Не пойму, куда вы клоните, ваше высокоблагородие, – набычился машинист. – Револьверы я держал для самообороны.

– Три? Дурак, у тебя всего две руки.

– Один сломался, я его выбросить хотел, да не успел – вы явились. Разбудили среди ночи...

– Ты думаешь отделаться двухмесячным арестом? Ракло беспорточное! Еще не понял, во что вляпался? Твои «ежики» казнили родителей полицейского чиновника из Петербурга. С особой жестокостью.

– Я тут при чем?

Лыков прищурился, поглядел так, что машинист похолодел.

– Меня сюда прислал сам Столыпин. А ему приказ дал сам государь. Велено всех зверей, кто в этом участвовал, изловить и повесить. Это Степка Херсонский и твои приятели-покупатели. Я сейчас выйду на часок, а сюда придет Азвестопуло. Звать его Сергей Манолович. Он будет спрашивать про бандитов. Мой тебе совет: скажи ему все, что знаешь. Иначе сам понимать должен: человек матери-отца лишился. Не скажешь – живьем с тебя шкуру сдерет и солью присыпет. Столыпин ему все разрешил.

Арестованный побледнел. Лыков распахнул дверь, и вошел титулярный советник с суровым лицом.

– Ну что? – спросил он. – Есть результат? А то дайте я попробую.

Не дожидаясь ответа, грек достал из карманов веревку и клещи.

Лыков встал:

– Бей, да позазвонистей. А я пошел.

– Я скажу, я все скажу! – завизжал Иванов. – Не мучайте!

– Быстро! – приказал Азвестопуло, глядя на оружейника с лютой ненавистью. – Где квартируют «ежики»?

– Завтра будут в обжорке Стамоглу по Среднефонтанской дороге. Я им туда револьверы должен снести.

– В котором часу?

– В одиннадцать ночи.

– Степка Балуца будет там, с ними?

– Не могу знать, ваше благородие! Он когда есть, когда нет; осторожничает.

– А кто же тогда в его отсутствие будет у тебя товар принимать?

– Податаман у него имеется, Вовка Белбес [25 - Белбес – высокий, крепкий.]. Вот он всегда бывает. Правая рука, при делах, лихой человек.

– А Лукьян Самсонов входит в банду «ежиков»?

– Не знаю такого, ей-богу, не знаю!

Полицейские начали готовить арест банды. Двадцать человек, с ножами и револьверами. Если кто-то вырвется из оцепления, их потом ищи-свищи. Степка Херсонский – двадцать первый, и сдаваться ему нет никакого резону.

Раньше к одесскому сыскному отделению были прикомандированы от общей полиции одиннадцать городских. Это были крепкие дядьки, опытные и смелые. Год назад вступил в действие закон о сыскных отделениях, который Лыков готовил много лет. В некоторых местностях вышло так, что от закона последовал вред вместо пользы... Министерство финансов урезало оклады жалованья сыщиков до минимума. Те отделения, которые прежде на временных основаниях более-менее держались, из-за нового закона потеряли в деньгах. Так произошло, например, в Киеве и Либаве. Не миновали беды и Одессу. Всех городских вернули в общую полицию, а вместо них приказали взять вольнонаемных агентов. Но идти на копеечное жалованье охотников нашлось мало. Люди постепенно появлялись, но штат до сих пор не был заполнен. И как тогда задерживать два десятка головорезов?

Черкасов с Лыковым пошли к полицмейстеру и попросили силовой поддержки. Хорошо бы еще и армию привлечь! Кублицкий-Пиотух отправился к градоначальнику, коллежский советник составил ему компанию. Полномочия питерца были скреплены подписью Столыпина. Толмачев телефонировал в штаб округа. Лыков опять выступил в поход, теперь на Пироговскую улицу. В штабе его принял помощник командующего войсками округа генерал от артиллерии Фан-дер-Флит. Живой, без всякой чопорности, притом вся грудь в орденах. Алексей Николаевич знал биографию генерала. Воевать тот начал в Туркестане, где стал адъютантом легендарного Кауфмана. Затем бил турок, недавно опять дрался – с японцами; кавалер золотого оружия. Константин Петрович выслушал сыщика и сказал:

– Такой вопрос мы с вами решим сами, без командующего. Пехотного взвода вам будет достаточно?

- Вполне, ваше высокопревосходительство.

- Забирайте из учебного неотдельного батальона, что стоит на Новосельской. Я телефонирую его начальнику, мигом подготовим вам предписание – и с богом.

Уже через час Лыков беседовал с начальником батальона подполковником Лятуром. Тот прочитал бумагу и вызвал поручика со звучной фамилией Редкобородый. Явился гладко выбритый подтянутый офицер. Лятур дал ему устное приказание выполнять распоряжения коллежского советника Лыкова, во главе тридцати пяти штыков. Завтра в девять вечера всем быть наготове, с патронами в подсумках.

Повеселевший сыщик вернулся в городское управление. Там его подждал Черкасов.

- Ну, подмогнет нам армия?

- Фан-дер-Флит выделил тридцать пять штыков при офицере. Выставим их в оцепление, для острастки.

- Очень хорошо. А я Гаврилу Бойсябога у пристава забрал. На правах помощника полицмейстера.

- Нужный человек? – сообразил коллежский советник.

- Сами сейчас увидите. Гаврила, подь сюда!

Из коридора зашел огромный детина. Он походил на циркового атлета, с саженой высоты глядели добродушные голубые глаза.

- Вот, Алексей Николаич. Первый был у нас в отделении для задержаний, когда прикомандированные городские служили. Сейчас с вольнонаемными беда, а этот смелый и могучий, пятаки в трубочку скручивает, чесслово! Бойсябога вернулся назад в Михайловский участок. Так я его выпросил на завтрашнюю ночь. Теперь «ежики» попались.

На этих словах в коридоре раздался топот множества ног, и, как черти из коробочки, в комнату полезли городовые. Впереди шел околоточный надзиратель, верткий и ловкий.

– Андрей Яковлевич! – козырнул он начальнику сыскного отделения с армейской отточенной небрежностью. – Вот, извольте принимать.

– Кисломед? Неужели всех отдали?

– Так точно. Господин полицмейстер приказал всех откомандированных обратно городских на завтрашнюю ночь вернуть под ваше распоряжение. Учитывая многочисленность банды.

– Вот славно! Теперь... эх!

Черкасов пояснил питерцу:

– Кублицкий-Пиотух внял моей просьбе и на время вернул всех прежних молодцов. Ну, держись, колючие...

Ввалившиеся городовые были как на подбор крепкие и уверенные ребята. Они напомнили Лыкову друзей его молодости из летучего отряда Департамента полиции. Десять лет Алексей Николаевич ловил и вязал с ними всякую калиброванную нечисть. Отряду поручали задержания самых опасных злодеев. Приятно было видеть, что храбрецы не перевелись. От пришедших исходил дух надежности и порядка.

Весь день полицейские готовились. Пришел агент Палубинский, отвечающий за Сахалинчик. Он нарисовал от руки план, сильно отличавшийся от казенного, что висел на стене. Обжорка Стамоглу находилась на углу Среднефонтанской и Ананьевского переулка. Почти напротив – арестный дом, позади него – саперные казармы. Вроде бы место как место: кое-какая застройка, канатная фабрика, кондитерская, консервный завод, запасной резервуар городского водопровода... Железная дорога делила Сахалинчик на две части. Палубинский сообщил следующее:

- Весь квартал – один большой притон. Гонифы там по ночам ливируются. Нычка у них – какой шлепер туда вдует?

Лыков покосился на Азвестопуло. Тот перевел:

- Бандиты по ночам прячутся, там их укрытие. Какой дурак туда сунется?

- Ясно. Если упустим «ежиков», как будем ловить?

- Тогда плохо будет, холера на их кишки.

- А если оцепить весь Сахалинчик?

- Народу не хватит. Тем более там темнота.

- Как застроена местность? По карте судить, так одни пустыри.

- Ха! То по карте, а в жизни по-другому. Все застроено сплошь, из-за домов земли не видно. Не дома – хибары! Катакомбы для босоты, смитте, кадык на кадыке.

- Притоны для бедноты, мусор, вор на воре, – снова объяснил Сергей.

- Сахалинчик – самое опасное место во всей Одессе, не считая нужника в доме моей тети Раи...

- Палубинский! – гаркнул главный городской сыщик. – Говори казенным языком. Господин коллежский советник из самого Петербурга приехал не для того, чтобы слушать твою мову.

- Значит, там много строений? – переспросил агента Лыков. – А сколько примерно?

Тот ответил:

– Кто ж их считал? На глазок сотни две. Распилили на участки да застроили, на сдюку [26 - На сдюку – пополам, наполовину.] незаконно. Под каждой хибарой земли на жябий скок. Переулков правильных нет. Заборы высокие, в них потайные калитки. Дворников не водится. А фабричные сторожа скорее помогут уркаганам, чем полиции. Через два дома на третий – притон, на четвертый – хавира [27 - Хавира – квартира блатер-каина.]. В пятом торгуют водку по ночам, а в шестом предложат снежок... в смысле, кокаин. В самой обжорке Стамоглу черная биржа, где ставят на бега. Дурные фисташки [28 - Фисташки – деньги.] в больших оборотах. Потому место охраняется нарядами босяков, которых нанимают люфтменши... маклеры по-вашему. Во дворах караул, и по улице с обеих сторон тоже стоят шкодики на цинке [29 - Шкодик – подросток, сорванец; стоять на цинке – быть на стреме.]. Чуть что, они поднимут хаёшь.

– Тогда бандиты вырвутся из столовой и взять их в хаотичной застройке будет сложно?

– Бенимунис [30 - Бенимунис (бенемунес) – клянусь.], это так!

Коллежский советник подытожил:

– Тяжелое предстоит задержание.

День прошел трудно. Лыков с Азвестопуло с нетерпением ждали ночи. Ведь высока была вероятность, что Степан Балуца окажется в той обжорке. И его удастся взять вместе с другими.

Наконец стемнело, и операция началась. Сперва пришел взвод учебного батальона и укрылся в саперных казармах. В последний момент военные решили боевых патронов солдатикам не давать – вдруг сгоряча перестреляют своих же? Только у поручика Редкобородого и трех унтер-офицеров были при себе заряженные револьверы.

Одновременно с армией со стороны Водопроводной улицы и Сенной площади в бандитский район вошли три отряда городских. Не вступая в разговоры с аборигенами, они быстро продвинулись к Ананьевскому переулку и оцепили двор обжорки с тыла. Караул из босяков у задней калитки был бесшумно снят.

Лыков вынул браунинг и прислушался. Изнутри доносилась разухабистая песня:

– Что нам рупь, что нам два?

Наплевать на все права.

Нам законы нипочем:

Сразу в рожу кирпичом.

– Погоди-ка, – насторожился коллежский советник. – Не наши, что ли? Мотив вроде тот, а слов не помню...

Тут певцы перешли к следующему куплету:

– Мы ребята-ежики

В голенищах ножики,

Любим выпить, закусить,

В пьяном виде пофорсить.

– Наши, – обрадовался питерец. Снял фуражку и перекрестился: – Ну, с богом!

Через черный ход внутрь обжорки ринулась арестная команда. Первым летел Бойсябога, за ним попевали Лыков, Азвестопуло и околоточный Кисломед.

– Руки в гору!

Алексей Николаевич вынырнул из-за широченной спины Гаврилы и увидел комнату, набитую молодыми парнями устрашающего вида. Их было больше двух десятков. Бандиты пили водку, играли в карты, у некоторых на коленях сидели девки. Дым от курева клубился под потолком.

Появление полиции ребят не испугало, а рассердило. Рослый детина вскочил и крикнул:

– Вона как? Хлопцы, клей их по сурлу! [31 - Сурло – физиономия.]

Неужели Степка? По приметам вроде похож. Лыков кинулся на парня с кулаками. Тут началось такое, чего даже опытный сыщик никогда прежде не видел. Вместо того чтобы сдаться или кинуться наутек, скоки вступили в отчаянный бой с полицией. Тон задавал главарь: он мгновенно выхватил из сапога финку. В иной ситуации Алексей Николаевич выстрелил бы ему в голову, но, если это правда Херсонский, сыщик хотел взять его живым. И, убрав пистолет, пошел с голыми руками на нож.

Верзила сделал выпад, целя противнику в грудь. Но он был недостаточно быстр для такого, как Лыков. Питерец увернулся, схватил бандита за запястье. Другой рукой цапнул его за ремень, рывком поднял над головой и что было силы приложил спиной об стол. Тут его самого повалили с ног. Он мигом поднялся – и получил в скулу. Отмахнулся, врезал одному, другому, опять получил... Все вокруг кипело, люди дрались, сопели, кричали и бранились. Рот наполнил привкус крови, голова кружилась, в ней будто паровоз гудел. И вдруг куча-мала в один миг прекратилась.

Тяжело дыша, не в силах отойти от схватки, коллежский советник осмотрелся. Посреди комнаты, как сказочный великан, фертом [32 - Фертом – уперев руки в бока, наподобие буквы «Ф».] возвышался Бойсябога. Вокруг него лежали вповалку ребята в партикулярном, а кое-где – в полицейской форме. Своим Гаврила подавал руку и помогал подняться. А партикулярных, если пробовали встать, богатырь бил огромным кулаком в голову и строго приказывал:

– Ложься назад и жди!

Подошел Азвестопуло с оторванным лацканом и с чужим револьвером в руках:

– Ну и дела...

Из-за спины Гаврилы боком, припадая на ногу, вышел Кисломед. Под глазом у него наливался фингал. Околоточный сокрушенно осмотрелся и пробормотал:

– Пропала Одесса, коли так и дальше пойдет...

Тут в парадную дверь забежал Черкасов и первым делом крикнул:

– Ребятюшки, все целы? Раненые есть?

Несколько голосов ответили, что есть. Губернский секретарь глянул на Лыкова и всплеснул руками:

– Алексей Николаич, вы весь в юшке! Что случилось? Посланец самого Столыпина – и вишь ты...

– Хоть рыло в крови, да наша взяла, – бодро ответил командированный. – Вывеску слегка подправили, зубы вроде на месте. Однако, Андрей Яковлевич, согласитесь: после пятого года бандит стал не тот.

– Испортился бандит, совсем распустился, – подхватил главный сыщик. – Разве ж раньше такое можно было представить? Тьфу!

Арестованных сковывали по двое предупредительными связками и выводили на Среднефонтанскую. Там их обыскивали и сажали в пролетки. Двое городских получили легкие ножевые ранения – их сразу отослали на автомобиле в больницу. В целом полиция легко отделалась.

Главаря, с которым Лыков схватился в первые секунды, доставили в полицейское управление раньше других. Из камеры привели Иванова и предъявили ему пленника:

– Скажи, это Степан Балуца?

– Нет, его Вовка Белбес звать. Податаман у Балуцы.

Оружейника вернули в камеру. А Лыков скорчил зверское лицо и прихватил бандита за ворот:

– Где атаман?

Тот, набычившись, молчал.

– Хочешь, чтобы тебя Азвестопуло спросил? Это его родителей вы убили. Я оставлю вас в комнате наедине. Ори не ори – никто не придет. Пока все, сволочь,

не выложишь.

Белбес не раскрыл рта.

– Ну сам выбрал, – пригрозил Лыков.

Он крикнул через плечо:

– Забирай его, он твой.

Начальник сыскного отделения попробовал вмешаться:

– Господа, у нас все строго по закону... Сергей Манолович, я не могу позволить, чтобы...

Азвестопуло встал перед Лыковым навтыяжку. Тот приказал:

– Титулярный советник, я требую результат. Любой ценой!

– Слушаюсь.

– Остальным не лезть!

Белбеса завели в допросную. Азвестопуло, как в прошлый раз, выложил на стол веревку и клещи. Бандит съежился, но молчал.

– Что, пломбы в зубах сильно жмут? – ощерился грек. – Голова меньше мозгов. Сейчас желчью будешь смеяться...

– Всем лишним выйти из комнаты, – приказал Лыков. Он и сам покинул помещение, сел в общем зале и стал изучать отобранные у «ежиков» документы. Вскоре из-за двери послышались душераздирающие крики. Агенты уткнулись в бумаги, пряча глаза. Явился посыльный от полицмейстера – узнать, что происходит. Коллежский советник жестко ответил:

– Идет дознание, согласно поручению премьер-министра. Об итогах я сообщу.

Податаман продержался четверть часа. Когда Сергей позвал начальника, тот содрогнулся. На его помощника страшно было смотреть: глаза безумные, кулаки разбиты, вся рубашка в крови. Но Белбес выглядел намного хуже...

- Где Степка Херсонский? - повторил свой вопрос Лыков.

- Где был, там уж нет. Он собирался прийти к полуночи. Увидел облаву и плейтовал. Квартеру поменял, как пить дать.

- На какое имя у него документы?

- Теперь не знаю. Был оливопольский мещанин Хутовецкий, представитель международной компании по производству жатвенных машин. Бумаг целая пачка, ему на три года хватит. Жиды снабдили.

- Кто убивал стариков? Ты?

- Нет, ей-ей, не было меня там. Я Шамиля в тот день гонял [33 - Гонять Шамиля - напиток пьяным.], для дела не годился. Степан осерчал, взял Мамалыгу и Ваську Арнаута. Втроем провернули.

- Они в банде? - хищно осведомился титулярный советник.

Белбес ответил:

- Мамалыга сбежал на другой день. Он такой... Ему бы свитки с воза воровать, а на серьезное дело не способен. Увидел, как наш атаман с кувалдой управляет, и сдунул от греха подальше... Степан велел найти его и кончить - не нашли. Арнаут с нами был в обжорке. Рыжий такой, гандрыбатый [34 - Гандрыбатый - сутулый.]. Только ни он, ни Мамалыга не убивали. Батька самолично расправился. Хлопцы чуть не обделались со страху, когда он повизгивал... Но ему попробуй возрази. Вещи таскали, да. А крови ваших папаши с мамашей на них нет.

- Проверим, - с угрозой пообещал Азвестопуло. - Давай выкладывай все, что знаешь. Бароха у Степки есть? Постоянная, к которой он ходит.

– Постоянной нету. Есть сукобой [35 - Сукобой – поставщик проституток.] Иван Маркидис, он баб подводит. Но всякий раз новых.

– А пристанодержатели, скупщики краденого?

Податаман стал диктовать фамилии и адреса. Он назвал полдюжины людей, обслуживавших банду Степки Херсонского. Утром все они были арестованы, в домах проведены обыски. В квартире Чолак-Оглу на Степовой улице, в ящике для столового белья Сергей обнаружил скатерть своих родителей. С замытыми следами крови...

Черкасов попытался привлечь к поиску Балуцы Тита Любченко. Однако тот помогать отказался. Другие батьки не поймут! Золотая Пасть был доволен итогами налета: конкурента лишили банды, он стал не опасен. А сотрудничать с полицией и дальше батька не подписывался...

Глава 4

Одесса

Дальнейшие поиски изувера пришлось приостановить. Наступило 5 апреля – Пасха! Трудно добиться рвения от полиции в такой день. И без того люди рисковали жизнью в Страстную пятницу.

Лыков с Азвестопуло сходили в Преображенский собор, помолились. В первой же кондитерской отведали кулича. И начальник сказал помощнику:

– Давай, покажи свои пенаты. Когда еще выпадет минута...

Сергей обрадовался:

– Только, чур, пешком! Иначе Одессу не постичь.

Сыщики отправились на долгую прогулку. Здесь это называлось – шпацировать. Алексея Николаевича многое привлекало в столь удивительном месте. Пшеничная столица, Южная Пальмира, Белый город, Город акаций – как только его не называли. Парадная часть Одессы действительно поражала новичка. Не дома, а дворцы! Тут строили по итальянским канонам, и то, что получилось, мало походило на другие русские города. Знаменитая лестница, говорили, вообще лучшая во всей Европе. Бывший одессит водил бывшего нижегородца по улицам и рассказывал, рассказывал. Кое-что Алексей Николаевич уже знал, но многое увидел впервые.

Например, Лыкова поразили жестянки, тут и там прикрученные к деревьям. Сергей объяснил, что в них кладут корм для бездомных собак. Это городская дума выполняла завещание богача Ралли.

На углу Дерибасовской и Ришельевской гостя заинтересовали уличные менялы (Сергей назвал их по-одесски – столичники). Жовиальные мужчины в дорогих переходных костюмах [36 - Жовиальный – жизнерадостный, неунывающий; переходный костюм – демисезонный.] сидели за столами, расставленными прямо на тротуаре. На столах кучками лежали золотые и серебряные монеты, возвышались стопки банкнот всех стран мира. Лыков из любопытства приобрел десять бразильских мильрейсов и столько же египетских пиастров. Его тут же обсчитали, к большому удовольствию Азвестопуло. Он сказал шефу:

– У нас в Одессе держи ухо востро!

Прогулка шла покуда по лучшим улицам. Алексей Николаевич с любопытством разглядывал богатые вывески банкирских контор и витрины дорогих магазинов. Туристы выпили кофе в знаменитой кофейне Скведера (она же Фанкони) на углу Екатерининской и Ланжероновской. Там заседали солидные старички, почти сплошь евреи – знаменитые одесские хлебники. Зерно лилось в порт рекой, стояла горячая пора весенних поставок. Между старичками шныряли мелкие комиссионеры – лапетутники. Они перешептывались с бонзами, а те снисходительно кивали или отрицательно качали головой. Сергей пояснил, что у Фанкони квартирует неофициальная биржа, которая по влиятельности превосходит официальную.

Лучшая часть Одессы располагалась на ровном плато и относилась к Бульварному, Александровскому и Херсонскому полицейским участкам. Улицы первых двух делили местность на равные кварталы: продольные шли от моря, а

поперечные выходили к Преображенской под прямым углом. Улицы Херсонского участка впадали в ту же Преображенскую с другой стороны, под острым углом. Это пространство полукругом огибала длинная-предлинная Старопортофранковская улица. Собственно, внутри него и помещалась вся старая часть города. Улицы шириной пятнадцать сажений были замощены гранитными кубиками. За пределами Старопортофранковской оставались слободы, хутора и дачи. Именно там располагались вокзалы, «хлебные городки», заводы с фабриками, лагеря войск, рабочие казармы. Дома обывателей здесь были попроще, люди отличались от тех, кто фланировал по бульварам. Лишь институт благородных девиц каким-то образом затесался на Молдаванку.

Рядом с внешним блеском и кричащим богатством парадных улиц уживалась уютная обывательская Одесса. Лавочники в войлочных шлепанцах продавали оливки из бочек, выставленных наружу. Старухи навязывали прохожим запростецкие украшения из ракушек. Молодые парни, на вид греки, торговали халвой. Водовозы рекламировали воду в бочках «прямо из Среднего Фонтана». Молодухи с Пересыпи предлагали купить у них молоко. Юркие евреи загадочно показывали из-под полы контрабандные папиросы. Апрель выдался теплый, в воздухе витало живое обаяние южного города... Лыкова уже не в первый раз удивила толпа. Множество людей, загорелых, веселых, раскованных! Вокруг стоял шумный говор, все объяснялись особенным одесским языком, очень быстро и эмоционально, но при этом никто никуда не спешил. Эти люди жили на улице: работали, бездельничали, судили и рядили, здесь же готовили и даже спали. В переулках повисли непривычные северянину запахи. Сергей воспрянул, он чувствовал себя, по собственным словам, как карась в родном пруду.

Туристы навестили дом, бывший Сикара, а ныне Альторфера, где в 1823 году жил Пушкин. В честь этого события улица давно уже именовалась Пушкинской. Гуляки ходили взад-вперед, желая увидеть побольше. Слонялись без плана, иногда возвращались на прежнее место и не смотрели на часы. Они поглазели в том числе на знаменитый театр. Хотя еще стояла весна, перед ним на полукруглой клумбе уже выкладывали из цветов герб Одессы. Сыщики зашли в Пале-Рояль, площадь-сад, окруженную магазинами и кафе. Полюбовались памятником герцогу Эммануилу де Ришелье. Лыков потрогал пушечное ядро, вмурованное в постамент, – память о бомбардировке Одессы англо-французской эскадрой 10 апреля 1854 года. Со Старого Николаевского бульвара открылся вид на гавань и море. Полицейские сошли вниз по знаменитой белокаменной лестнице и оказались у часовни Всех Святых. Пока спускались, Азвестопуло рассказывал про здешний порт. Гигантское дело! Одна только гранитная облицовка причалов обошлась в двенадцать миллионов рублей. Справа налево,

отделенные друг от друга молами, раскинулись шесть гаваней. Карантинная принимала суда заграничного плавания, в том числе те, которые возили зерно. Поэтому в ней было особенно оживленно. Далее располагалась Новая гавань с лесными и угольными складами, еще оттуда шел отпуск бакалейных и мануфактурных товаров. Здесь же стояла насосная станция керосинопровода общества РОПиТ. Она перекачивала керосин с наливных судов в огромный керосинохранительный бассейн на Пересыпи. Следующая гавань, Угольная, была наиболее чистой и уютной. В ней находились купальни и летнее помещение яхт-клуба. Практическая гавань, она же Каботажная, предназначалась для срочных пассажирских пароходов внутреннего плавания и для каботажников. Казенная гавань вмещала суда Министерства путей сообщения и караван по очистке порта. Здесь же находились эллинги РОПиТа и Товарищества Беллино-Фендерих. Наконец, последняя гавань, Нефтяная, была самой новой, и там до сих пор шла стройка. Гавань достигала Пересыпи, в ней совершались все операции с нефтью.

Гордостью Одессы была так называемая эстакада. Другой такой не имелось во всей империи. Дубовая, длиной в три версты и четыреста сажень, она шла на высоте трех сажень от набережной до Карантинного мола. По ней то и дело сновали поезда с зерном. Они подъезжали прямо к пароходам, и груз высыпали в трюмы через специальные отверстия в днище вагонов. Там, где это было невозможно, зерно подавалось на ленты конвейеров, и те уже доставляли его на корабли.

Весь порт был как огромный муравейник: в нем кипела напряженная деловая жизнь. Бегали тысячи грузчиков, отправителей, получателей, матросов с капитанами, страховых агентов, мелких гешефтеров и прочего гаванного люда. Пароходы дымили, лебедки визжали, народ отчаянно матерился на всех языках. Содом и Гоморра! Прямо над ухом Алексея Николаевича какой-то лапетутник заорал диким голосом:

– Улька закончилась, запускаю сандомирку! [37 - Улька, сандомирка – сорта пшеницы.]

Ему ответил строгий бас с парохода:

– Гезель, тебе кавуны торговать, а не серьезное кле! [38 - Гезель – ученик вора; кле – вещь.] Вот я тебя попробую вприкуску!

Глядя на эту суету, Лыков рассказал помощнику о своем втором задании от Военного министерства. Сергей выслушал и убежденно заявил:

- Я всегда знал, что в Одессе полно шпионов!

- Даже так?

- И никак иначе. Сами посудите: здесь штаб военного округа. А войскам этого округа, напомню, в случае войны предстоит захватить Проливы. Вы слышали про Тринадцатую пехотную дивизию?

- Нет, - ответил Лыков. - Чем она так знаменита?

- Дивизия входит в Седьмой армейский корпус. Стоит в Крыму, но подчиняется Одессе.

- Ну и что?

- Тринадцатая дивизия уникальна. Ее держат в усиленных штатах даже в мирное время. При каждом из полков состоят гребные и паровые катера с командами. И регулярно проводятся учения по высадке с моря десанта. Задача дивизии - захватить Босфор. Сведения о ней наверняка интересуют агентов всех разведок. Те же агенты занимаются и минными заграждениями. Вот закончим с Балудей, и я вам помогу.

Лыков посмотрел на помощника с неодобрением:

- Ты полагаешь, что Степка уже у нас в кармане? В прошлый раз мы так же думали.

- То было в прошлый раз. А теперь ему хана. Пехоту его мы повязали, скупщиков тоже. Куда идти атаману без банды?

- Бежать прочь из города, как уже было. Отсидеться, и опять за старое - людей убивать.

На лице Азвестопуло заходили желваки.

– То-то, – назидательно вымолвил коллежский советник. – Кончил дело – гуляй смело. А пока не кончил, не загадывай. Балуца только кажется заурядным, хоть и предельно жестоким головорезом. Заметь: все его сообщники попадают, а он нет. Думаешь, случайность или везение? В негодые есть животная хитрость, и она его выручает. Пока.

За разговорами сыщики вышли на Платоновский мол. Осмотрели спасательную станцию имени генерала Зеленого, хотя в этом и не было никакого практического смысла. Потом не спеша вернулись к лестнице и поднялись наверх на фуникулере. Они уже проголодались. Грек объявил, что есть надо непременно на Привозе. Там очень вкусно жарят украинскую колбасу, а еще угощают ухой из морской рыбы с затиркой. На вопрос шефа Сергей пояснил, что затирка – томатный сок с чесноком и приправами, и эта незамысловатая смесь делает уху смакотой [39 - Смакота – очень вкусная еда.].

Сыщики поехали на Привоз. Там тоже оказалось людно – то ли по случаю Пасхи, то ли всегда так... Лыков с любопытством обошел рынок. Особенно ему понравились рыбные ряды.

Цинковые прилавки были внутри набиты льдом, а снаружи покрыты чешуей вперемешку с солью. Чего только не лежало на этих прилавках! Одних бычков было три вида.

Титулярный советник завел шефа в свою любимую обжорку, и там туристы угостились на славу. Помимо обещанных ухи и колбасы Алексей Николаевич отведал дунайской сельди и балыка из черноморской белуги, а запил все это греческой водкой под названием мастика.

Водка ударила сыщикам в голову. Обнявшись, они пошли куда глаза глядят. К ним приставали проститутки с накрашенными губами:

– Дуся, какой вы цикавый! [40 - Дуся – ласковое обращение к мужчине; цикавый – интересный.] Угостите даму! А дама угостит вас.

Азвестопуло улыбался и говорил шефу:

– Вот бароха восемьдесят четвертой пробы. А вот, гляньте – девяносто шестой. У нас в Одессе все красавицы!

Неожиданно для себя полицейские очутились перед воротами с надписью «Минная рота». Возле них скучал часовой.

– Сережа, – опомнился Лыков, – мы загулялись. Пока шпионы воруют наши планы, мы дунайскую сельдь лопаем. С мастикой. Отведи меня в гостиницу и не тревожь до завтра. Утром займемся делом с новыми силами...

На следующий день питерец явился на Преображенскую с больной головой. В дежурной комнате агенты обменивались крашеными пасхальными яйцами; досталось и Лыкову. Он зашел к начальнику. Перед ним навтыяжку стояли двое громил, а Черкасов их отчитывал:

– Что же вы делаете, галота! И в какой день! Креста на вас нету.

– Провинились в чем, Андрей Яковлевич?

– Стыдно сказать, Алексей Николаич... Расстрелять их из поганого ружья! Прямо обидно за Одессу. Эти два подлеца вчера в писсуаре Ланжероновского спуска ограбили ботинки у кочегара Иоганна Мюллера с английского парохода «Эльевник Гренж». В светлый пасхальный праздник! Ну ничего святого. Срам!

– А они сами-то хороши, – стал защищаться один из скоков. – Вспомни-ка, вашебродие, в какой день англичане бомбардировали Одессу?

– Это когда? – опешил начальник сыскного отделения.

Тут Лыков заступился за арестованных:

– Ведь он правду говорит. Мы вчера с Азвестопуло проходили мимо памятнику Ришелье. Там ядро в постаменте, помните? И на том ядре надпись: «Страстная суббота, тысяча восемьсот пятьдесят четвертый год». Им, значит, можно, а нам нельзя?

– Точно, – подхватил второй налетчик, – это мы за ту бомбардировку отомстили. Матери ихой черт! Шоб издохли все британцы! А то ходют, ломают фасон...

– А ведь и впрямь... – пробормотал губернский секретарь. – Я забыл. Ну раз такое дело, ступайте, ребята. В камеру.

Скоков-патриотов увели, и питерец заговорил о деле:

– Андрей Яковлевич, я хочу допросить всех «ежиков» по одному. И блатеркаинов тоже. Пусть дадут зацепки, где искать Степку Херсонского.

– Только, чур, не как в тот раз, – строго потребовал Черкасов. – Мне прокурорские проверки не нужны.

– Все будет чисто, – заверил коллежский советник. И добавил: – Зуб даю на холодец!

Глава 5

Дознание полным ходом

Начались допросы. Арестованные уже знали, что случилось с податаманом, и не запирались. Лыков с Азвестопуло обошлись без рукоприкладства. «Ежики» рассказали кое-что интересное.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. книгу «Между Амуром и Невой». (Здесь и далее примеч. автора.)

2

ГУГШ – Главное управление Генерального штаба, т. е. собственно Генштаб.

3

См. книгу «Лучи смерти».

4

Эбергарт А. А. – в 1908–1911 годах начальник Морского Генерального штаба.

5

МСП – Московская сыскная полиция.

6

См. книгу «Узел».

7

Билет с четным номером означал место на нижней полке.

8

Духовой – отморозок, отпетый бандит.

9

Скок – бандит, налетчик.

10

Батька – главарь банды.

11

Тюньтя – ротозей.

12

Иерусалимские дворяне – евреи (уничиж.).

13

Союзник – член черносотенного «Союза русского народа».

14

Французские фокусы – то же, что еврейские штучки.

15

РОПиТ – Российское общество парходства и торговли.

16

Блатер-каин – скупщик краденого; блатноги – извозчик, обслуживающий банду;
бароха – любовница.

17

Мойсер – доносчик.

18

Падло батистовое – негодяй; коневый – авторитетный; шабер – нож.

19

Говыдло – дешевая, некачественная вещь.

20

Свинорез – нож.

21

Лавэ – деньги.

22

Кугут – жлоб, грубиян, хам.

23

Бранжа – дело.

24

Освед – осведомитель.

25

Белбес – высокий, крепкий.

26

На сдюку – пополам, наполовину.

27

Хавира – квартира блатер-каина.

28

Фисташки – деньги.

29

Шкодик – подросток, сорванец; стоять на цинке – быть на стреме.

30

Бенимунис (бенемунес) – клянусь.

31

Сурло – физиономия.

32

Фертом – уперев руки в бока, наподобие буквы «Ф».

33

Гонять Шамиля – напиться пьяным.

34

Гандрыбатый – сутулый.

35

Сукобой – поставщик проституток.

36

Жовиальный – жизнерадостный, неунывающий; переходный костюм – демисезонный.

37

Улька, сандомирка – сорта пшеницы.

38

Гезель – ученик вора; кле – вещь.

39

Смакота – очень вкусная еда.

Дуся – ласковое обращение к мужчине; цикавый – интересный.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nikolay-svechin/odesskiy-listok-soobschaet>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)